

ИГОРЬ ЕВТИШЕНКОВ

РИМСКАЯ САГА

ДАЛЕКИЕ СТЕПИ ХУННУ

Игорь Евтишенков
Римская сага.
Далёкие степи хунну

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17799869

ISBN 9785447450861

Аннотация

Мечты о возвращении в Рим, которые были так реальны в Парфии, стали казаться несбыточными, потому что часть римлян продали предводителю хунну. Их новый вождь решил построить на реке Талас настоящий город-столицу. За хорошую работу он обещает Лацию свободу, однако на этот раз сделать это не получилось уже не по его воле. Опасность приходит с той стороны, откуда её никто не ждал, и римляне во главе с Лацием снова вынуждены вступить в неравный бой с сильным и опасным противником.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ГЛАВА I. ТЯЖЁЛЫЙ ПЕРЕХОД НА КРАЙ СВЕТА	8
ГЛАВА II. НА ВОЛОСОК ОТ СМЕРТИ	20
ГЛАВА III. БОРЬБА С ЛЮТЫМ ВРАГОМ	37
ГЛАВА IV. ПЕРВЫЙ ГОД НА СТОЙБИЩЕ ХУННУ	43
ГЛАВА V. ПЛАНЫ О ПОСТРОЙКЕ СТОЛИЦЫ ХУННУ	56
ГЛАВА VI. ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С НОВЫМ НАРОДОМ	63
ГЛАВА VII. ВОЗВРАЩЕНИЕ В СТАНОВИЩЕ С НОВЫМИ СОЮЗНИКАМИ	75
ГЛАВА VIII. ИНТРИГИ ВНУТРЕННЕГО ДВОРА ИМПЕРАТОРА	79
ГЛАВА IX. МЫСЛИ О ПОБЕГЕ	92
ГЛАВА X. СПАСЕНИЕ ТОНУЩЕГО СЫНА ТАЙ СИНА	102
ГЛАВА XI. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ И НАГРАДА	112
ГЛАВА XII. ВСТРЕЧА ПОСЛА	123
ГЛАВА XIII. СТРАШНАЯ РАСПРАВА	130
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Римская сага

Далёкие степи хунну

Игорь Евтищенко

Дизайнер обложки Сергей Борисович Гусев

Корректор Ирина Юрьевна Бралкова

© Игорь Евтищенко, 2023

© Сергей Борисович Гусев, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-4474-5086-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

Идея этой книги основывается на реальных исторических событиях, а также ряде исследований Дэвида Харриса и Х. Дабса, которые установили, что в I веке до н.э. на территории провинции Гуаньсу был построен город Лицзянь, что соответствует китайскому названию Рима. Такое же название встречается в списке городов, датированном 5 г. н. э. Этот город, предположительно, построили римские легионеры, которые попали в Китай после поражения армии Красса в 53 г. до н. э.

Также сведения о пленных легионерах содержатся у Плутарха в биографии Красса, где он пишет, что парфяне отправили их в город Маргиану или Мерв. Из Мерва те попали к хунну, которые проживали на территории современного Казахстана и Туркменистана. Там легионеры принимали участие в строительстве столицы хунну на реке Талас, в 15 км от современного города Джамбул. В 36 г. до н. э. этот город был разрушен китайским генералом Таном, и римляне оказались в плену в Китае.

Упоминание об этих людях есть и в «Истории ранней Хань» китайского историка Бая. В 1989 г. профессор Гуань Ицюань с исторического факультета Института нацио-

нальностей, г. Ланьчжоу, представил новые карты, на которые нанёс ещё четыре города, основанных жителями Лицзяня. Согласно его топонимическим исследованиям, город Лицзянь был впоследствии переименован в Цзелу, что означает «пленники, захваченные при штурме города».

Римская сага. Далёкие степи хунну. Том IV

После того, как часть римлян вместе с Лацием продали предводителю хунну, мечты о возвращении в Рим, которые были так реальны в Парфии, стали казаться несбыточными. Эти кочевые племена жили войнами и грабежами, но их новый вождь по имени Чжи Чжи решил построить на реке Талас настоящую столицу, такую же, как он видел в Парфии. Строительство приходится вести римлянам, и несколько лет они возводят в городе стены и дома, прерываясь на войны с врагами хунну, в которых им приходится участвовать, чтобы выжить. Лаций не может смириться с тем, что судьба уводит его всё дальше и дальше от родного Рима. Но даже здесь он мечтает о побеге. Однако на этом пути его поджидают невероятные испытания и мистические совпадения, в которые он упрямо не хочет верить. Поддержка старых друзей помогает ему справиться с отчаянием и даже выучить новый язык, который необходим, чтобы общаться со странными рабами из империи Хань. Кочевник постоянно пригоняют странных маленьких крестьян из-за большой стены для

помощи на строительстве. За хорошую работу вождь хунну обещает Лацию свободу, однако на этот раз сделать это не получается уже не по его воле. Опасность приходит с той стороны, откуда её никто не ждал, и римляне во главе с Лацием снова вынуждены вступить в неравный бой с сильным и опасным противником.

© Евтишенков И. Н., 2015

www.igoryevtishenkov.com

www.theromansaga.com

ГЛАВА I. ТЯЖЁЛЫЙ ПЕРЕХОД НА КРАЙ СВЕТА

– Куда мы идём, Павел? Ты с ними чаще общаешься, песни поёшь. Спроси, сколько ещё? – в усталом голосе Атиллы сквозило раздражение. Дети болели, и Саэт не знала, что с ними делать. К тому же было мало воды, многие страдали от раздражений кожи и болей в животе.

– Уже спрашивал, – вздохнул слепой певец. – Идём на восток. Ещё дней пятнадцать, говорят. Это тысяча... а, может, и больше миль. Не знаю, не знаю. Наверное, далеко. Сейчас войны нет, караванный путь свободен. Так что до следующих идём будем на месте.

– Каком месте? Что это за место? Эти варвары кажутся мне хуже парфян.

– Зовут себя они хунну или гунну, не понимаю пока. Язык каркающий. Хрипят да кашляют, нет, чтобы говорить нормально. У них много земли. Стада большие. Ходят с места на место, кормят своих коров и овец, лошадей очень любят. Хорошо стреляют из лука.

– Это я видел. Они за лошадёй Мурмилаку золотом платили, – добавил Атилла.

– Там горы большие, а перед горами большие холмы и долины. На них скот пасётся.

– Понял. Будем, как скот, пастись рядом с ними. Не думал, что жизнь так закончу.

– Ничего, зато ржать и мычать научишься, – пошутил кто-то, но Атилле было не до смеха.

– Ещё там есть другая земля, – продолжал Павел Домициан. – Они называют её Хань. Говорят, через горы надо перейти и там живут ханьцы. Их тоже очень много. Хунну и ханьцы воюют. Теперь, вот, хунну хотят построить большой лагерь, как город, чтобы у них была своя столица. Насмотрелись у Мурмилака.

– Чтоб ты сдох! – непонятно кому пожелал Атилла и, сплюнув, отошёл в сторону.

Дорога к новому месту оказалась трудной и долгой. Высокие горы северной Парфии сменились более унылыми холмистыми степями новой земли с унылыми сухими кустарниками на склонах, длинными каменистыми долинами, напоминавшими высохшие русла рек, и длиннокрылыми птицами, которые постоянно парили в вышине, выискивая добычу. Сопровождавшие римлян кочевники не били и не понукали их, следуя позади. Впереди ехали всего пять или шесть всадников. Это было странно, особенно для тех, кто ожидал от перемен только худшее. Ночи стали холоднее, а дни – ветренее. Многие простужались и болели. В городах римлянам удавалось выпросить или обменять какие-то продукты, и тогда голод немного отступал, а в пути приходилось есть

только то, что давали всадники. В лучшем случае это были кости и жилы, иногда они сами ловили зайцев или мелких грызунов. Но, как ни странно, никто по пути не умер. Даже дети. Около десятка смельчаков пытались убежать, но за ними никто даже не погнался. Павел Домициан, который уже немного научился разговаривать с кочевниками, сказал, что все беглецы погибли от голода и холода.

Римляне и их семьи держались дружно и старались друг другу помогать. Только разговаривали редко. Чаще обменивались одним-двумя словами и замолкали. Все ждали. Ждали, куда приведут их Фортуна и эти низкорослые всадники в кожаных халатах и кожаных штанах.

Позади остались города Бактра, Мараканад, Кашгар, на которые Лаций совсем не обращал внимания и отрешённо слушал по вечерам рассказы слепого певца о том, каких людей там видели остальные и что слышали. Хотя, по большому счёту, все эти поселения располагались вдоль одной караванной дороги и были похожи друг на друга, как близнецы. Жизнь в них кипела вокруг расположенной в центре базарной площади. Все остальные постройки громоздились по кругу по мере удаления от центра. С годами дома напирали друг на друга, строились сбоку и сверху, оставляя свободными только одну-две дороги, которые вели к воротам и торговым рядам. Везде всё было одно и то же.

Однажды они остановились на ночь на небольшой возвышенности, за которой виднелась длинная глубокая впадина.

Она расширялась и уходила вдаль, где терялась среди многочисленных холмов, за которыми садилось солнце.

– Ты узнал уже больше, чем я, – со вздохом заметил Лаций. Слепой певец был рад услышать его голос, потому что раньше тот молчал и лишь изредка отвечал да или нет. – Но убежать отсюда, похоже, нельзя. Я перебрал все варианты, но без лошадей и еды это невозможно. Ты что-нибудь чувствуешь, Павел?

– Я чувствую себя птицей, летящей вместе с Аквилоном в небесах. Ветер дует мне в лицо, а я всё иду и иду...

– А я ничего не чувствую, – покачал головой Лаций. – Хотя тоже иду.

– Прости... но ты должен сейчас быть сильным. Многие смотрят на тебя. Вчера Саэт спрашивала, как ты. Атилла постоянно подходит, другие люди – тоже. Так нельзя. Ты можешь заболеть и умереть, потому что дух твой ослаб.

– Да, да, я всё знаю. Но я не ослаб. Ты же видишь. Просто думаю, что хочет от нас Фортуна, если здесь нет даже растений и животных? – вздохнул он, откидываясь на спину и глядя на оранжевый диск солнца. – Смотри, даже варвары нас не охраняют. Можно рискнуть и убежать, как те несчастные... Просто спрячься за камень, и всё. Завтра вечером они будут уже далеко. И никто не будет тебя искать.

– Но без еды ты умрёшь. Они дают нам еду, – осторожно заметил Павел, стараясь не оттолкнуть друга от себя, чтобы тот снова не замкнулся.

– Да, ты прав! Они дают нам еду! – горько воскликнул Лаций. – У нас нет будущего. Дальше будет ещё хуже. Посмотри на всадников! У них только кожаные плащи и кожаные штаны. Нагрудники из кожи и несколько накладок из железа. Мечи с двух сторон острые, но ручка маленькая, лезвие короткое, ножны на поясе крепятся всего двумя ремешками. Что это за воины?

– Ну не скажи, – возразил слепой певец. – Я слышал, у них хорошие луки. Смотри, сколько они охотятся. И всегда есть мясо.

– Мясо есть, потому что они старых лошадей режут. Ты же не видишь, сколько скота они за собой гонят!

– Не вижу, но слышу, – пробормотал Павел. – Ты прав... Но стрелять из луков они умеют. Как и парфяне. Даже лучше.

– Но это всё равно не Рим!

– Ну ты даёшь! Лаций, я не ослышался? Ты сошёл с ума? Ты что, в Рим собрался? – искренне удивился слепой певец.

– Да, – с грустью ответил Лаций. – Очень хочу в Рим. Ты знаешь, я как будто ослеп. Я не могу вспомнить Форум, храмы Весты и Юпитера – они для меня только слова, и всё. Что это такое? Почему я не вижу их перед глазами? Я ослеп? Боги дают знак? Только яркие краски, и сердце радостно стучит, когда думаю о Риме, но самого Рима не вижу, – с горячностью говорил он, а слепой друг, улыбаясь, кивал и слушал. – Что там сейчас происходит? Как Суббурская улица,

порт, Палатин?

– О-о!.. – мечтательно протянул Павел.

– Вот видишь! Тебе тоже это близко.

– Мне приятно, но не близко. Я не видел всё это своими глазами. Я видел Рим глазами друзей и врагов, которые каждую ночь обворовывали меня во сне...

– Прости, я понимаю, – покачал головой Лаций.

– Но это хорошо, что у тебя есть цель. Великая цель! Значит, ты не сдался на милость Фортуны.

– Нет, не сдался. Цезарь всегда говорил, что судьба пленных не берёт. Но чем больше я ей противлюсь, тем дальше она меня уводит. А ведь дальше идти некуда! Зачем Фортуна гонит меня в пропасть? Как будто я сам своими руками отталкиваю себя от Рима!

– Как ты сказал! – почмокал губами Павел Домициан, как бы пробуя на вкус слова друга. – Красиво. Ты знаешь, мне кажется, что сидеть на земле, тут, на краю пропасти, как ты сказал, лучше, чем лежать под Каррами. Мы живы. И это хорошо. По крайней мере, ты можешь надеяться на милость богов, а тысячи твоих товарищей – нет.

– Ты со мной разговариваешь, как мать с ребёнком, – впервые за долгое время улыбнулся Лаций.

– Нет. Просто не знаю, как тебе объяснить это... Ветер подхватывает большие и малые камни, несёт их вдаль. Иногда самые тяжёлые летят дальше всего.

– Ты опять за своё? Я не камень...

– Нет, просто я чувствую, что мы идём правильно. Впереди нет смерти. Есть какая-то тяжесть, но не смерть... Слушай, может, тебе надо найти женщину? Вот, смотри, Атилла не страдает, как ты. Или верного юного спутника?

– Юношу? Ты шутишь? Нет... не хочу. А с женщинами пока душа не лежит. Пустота внутри. Рим ещё ближе кажется. А на самом деле, всё дальше... Как быть? Ты говоришь, женщины. Какие? Эти? Выучить язык варваров, чтобы забыть свой? У них же половины слов нет. Атилла сам говорил, что часто греческие и римские употребляет. И что мне с такой женщиной делать? Смотреть, как она будет рожать мне детей? Эх... Ты не видел Эмилии. Тогда бы ты всё понял, – с сожалением добавил он.

– Это, случайно, не вторая дочь сенатора Мессалы Руфа от второго брака?

– Откуда ты знаешь? – опешил Лаций, глядя, как Павел Домициан с самодовольной улыбкой смотрит своими белёсыми глазами куда-то вдаль.

– Мне посчастливилось однажды петь в её доме. Я до сих пор помню запах розового масла, кардамона, миндаля и ещё чего-то божественного, как вино богов.

– Ты когда-нибудь видел розы или цветы?

– Нет, но нюхал и трогал ещё в детстве. Для меня этого было достаточно, чтобы запомнить на всю жизнь. В тот вечер Эмилия сделала мне божественный подарок. Она сказала, что мой голос очаровал её, и оставила с одной из своих

рабынь на всю ночь. Я до сих пор помню её имя.

– Не может быть! – искренне удивился Лаций. Он не думал, что в этой жизни осталось ещё что-то способное его удивить, но слепой друг сумел это сделать.

– Её имя означает яркий огонь... Она была, как... настоящий огонь!

– Только не говори, что её звали Аония, – осторожно сказал он.

– Да, откуда ты знаешь? – наивно спросил Павел.

– О, боги... – прошептал Лаций, подняв глаза к звёздному небу. – Всё в ваших руках. Но почему так беспощадно?..

– Что ты там шепчешь? – продолжая улыбаться, переспросил слепой.

– Прости. Я не хотел этого говорить, но её больше нет в живых. Её убил Клод Пульхер.

– Клодий Красавчик? Неужели?.. Но за что? – на бледном лице Павла застыла скорбь.

– Всё из-за моего медальона. Это – долгая история. Она отказалась его отдавать. Он отрубил ей голову.

– Нет, этого не может быть... Это же Рим! Как он мог?

– Мог. Там ещё и не такое может быть. Но его самого убил Тит Анний. Так что он получил по заслугам.

Они ещё долго сидели, вспоминая прошлое, и Лаций впервые рассказал Павлу Домициану о своей любви к Эмилии и её поездке в Азию. А тот, в свою очередь, поведал ему о том, как ослеп в возрасте пяти лет и с тех пор скитался

по всем провинциям Римской республики вместе с нищими артистами. Там он выучил много языков и песен. Однажды произошло чудо – он встретился со своим братом, и тот оставил его у себя, чтобы развлекать клиентов, которые приходили заказывать обувь. Так слепой певец оказался в Риме. На Суббурской улице.

– Не сдавайся, друг мой. Вместе мы сильнее их. Как сказала. Боги помогут нам, поверь мне, – увещевал его Павел Домициан.

– Не знаю... Может, ты и прав. Но если бы они только дали мне знак, – с досадой ответил он.

– Какой знак тебе нужен? Мы сидим на земле, рядом ничего нет, ни людей, ни птиц. Какой знак ты ждёшь? – в голосе слепого певца прозвучала ирония.

– Обычно это знак неба, – ответил Лаций.

– Хорошо, пусть будет знак неба. Смотри на небо и ты увидишь, как Парки грозят тебе своими острыми ножницами.

– Лучше бы бросили их на землю, – недовольно буркнул он и вдруг, фыркнув, грубо выругался.

– Что случилось? – встрепенулся Павел.

– Мне послала знак какая-то птица, – с отвращением сказал Лаций, вытирая шею и плечо. – Фу, вонь какая! Прямо на плечо!

– Друг мой, ты что, не видишь, что боги слышали тебя? Это же знак! Куда ещё больше! Они говорят, что слышат те-

бя!

– Цэкус, ты совсем с ума сошёл? Не ори так! А то все подумают, что я тоже верю в птичий помёт.

– Лаций, ты казался мне умным... Ты, что, хотел, чтобы тебе с неба упал серебряный сестерций? Или жареный баран? Это же самый настоящий знак! Просто так с неба ничего не падает. Даже птичий помёт! Не мне тебя учить. Ты же сам гадал по ауспициям...

– Что вы не спите? Разорались там. Дайте поспать... – слышалось знакомое ворчание Атиллы. – Первый раз слышу такое. Что-то ты много говоришь.

– А ты почему не спишь? – спросил, в свою очередь, Павел Домициан.

– Саэт плохо. Она ничего не ест. Она беременная.

Теперь Лаций тоже узнал эту новость, но он не заметил, что слепой певец воспринял её, как будто для него ничего нового в этом не было. Его зацепили слова Павла о знаменьях, потому что боги часто посылали ему знаки во время походов просто так, без приношения жертвы и ночного слушания тишины. Может быть, это происходило потому, что в походах часто не было времени на долгие обряды? Неужели Домициан был прав? Неужели этот вонючий помёт был знаком? Слепой певец в это время обсуждал с Атиллою, как вести себя с беременными, но выглядело это глупо, их разговор был ни о чём, потому что оба ничего в этом не понимали, и только вздыхали, сетуя на несправедливость жизни.

Лаций, закутавшись в толстую шерстяную накидку, смотрел на небо и думал, что делать дальше. Наверное, Павел был прав: надо было не спорить с Фортуной и идти в другом направлении, делать всё так, как она предложит и не сопротивляться. Может, тогда получится вырваться отсюда быстрее? Сколько надо будет строить город этому дикому вождю кочевников? Этого никто не знал. А ведь так могла пройти вся жизнь...

Голова чесалась, не переставая. Да и не только голова – давали знать постоянные спутники походов, вши. В Риме от них спасало шёлковое бельё, в шёлке они не жили. И ещё помогали брадобрее, которые умели вычёсывать их длинными гребешками. Но здесь ничего этого не было...

Лаций почесал бороду и впервые подумал, что было бы неплохо побрить лицо и голову. Атилла, услышав его просьбу, с удивлением покачал головой и повернулся на другой бок. Проснувшись с первыми лучами солнца, римляне с удивлением смотрели на высокого голубоглазого человека, который казался им знакомым, но его синеватая лысина и бритые впалые щёки мешали им признать в нём Лация. Кочевники тоже радовались его преображению: они смеялись, показывали на него друг другу плётками и даже бросили кусок рваной шкуры, которая оказалась старой шапкой. В отличие от парфян, никто не спросил его, откуда он взял нож или меч, чтобы так гладко побриться. Это только укрепило его в мысли о том, что кочевники тоже отсталые варвары,

как и парфяне, а новая жизнь будет намного тяжелее, чем прежняя. Полдня Лаций не надевал старую шапку, но когда начался мелкий, промозглый дождь, он с благодарностью натянул её на затылок и дал себе слово больше не хватать Парок за ножницы и не указывать Фортуне, куда его вести.

Длинная вереница римлян и хунну растянулась на несколько миль. Они продолжали идти на восток, но теперь им больше не встречались ни города, ни люди, ни караваны, ни колодцы. С каждым днём становилось всё холодней. Постоянно дующий ветер, казалось, проникал под любую одежду, и даже возле костров грелась только та часть тела, которая была повёрнута к огню. По утрам часто шёл дождь, пальцы коченели и не слушались, и римляне старались использовать для защиты от дождя всё, что могли найти – от толстых кусков коры до остатков шкур тех животных, которых хунну убивали для еды. В один из таких дней произошло событие, которое изменило судьбу Лация и помогло выжить в нелёгких условиях общения с кочевниками.

ГЛАВА II. НА ВОЛОСОК ОТ СМЕРТИ

Унылое солнце, пройдя полпути, спряталось за далёкие облака и больше не показывалось. Они остановились на привал возле лесистой горы. Хунну сразу стали разбивать свои невысокие островерхие палатки с круглым низом. Это означало, что на сегодня переход закончен и до следующего утра они останутся здесь. Небо хмурилось, и скоро мог начаться холодный дождь. Надо было срочно идти за ветками и дровами. Дойдя до ближайших кустарников, Лаций убедился, что за ним никто не следит, и стал быстро срезать широкий лапник. На некоторых ветках были видны знакомые светло-зелёные побеги с мягкими маленькими иголочками. Они были очень похожи на те колючки, которые показала ему тогда в парфянских горах старуха. Благодаря их горьким отросткам римляне спасли свои зубы. Сейчас половина из них снова страдали зубной болью. От скудной пищи дёсны кровоточили и ныли днём и ночью. Но раньше эти колючие деревья у них на пути не попадались.

Лаций попробовал зелёные веточки и скривился – знакомый горький привкус свёл зубы. Срывать кончики веток было легко, поэтому он позвал на помощь Атиллу и тех, кто таскал лапник. Скоро они набили рубашки так, что стали вы-

глядеть, как толстые ленивые купцы на базаре. Лаций потянулся за одной из широких веток и не заметил, как наступил на острый сучок и пробил износившийся сапог. Стопу пронзила резкая боль. Теперь туда ещё будет заливаться вода из луж! Это было ужасно, мысль о гниющей ране и замёрзших ногах оказалась болезненней, чем поцарапанная кожа. Вернувшись, он снял сапог и расстроился ещё больше – старая подошва порвалась по всей длине и теперь с ней ничего нельзя было сделать. Сапог можно было выкинуть. Его недовольное сопенье услышал Павел Домициан. Узнав, в чём причина, слепой певец сказал, что его брат иногда крепил к дорогим кальцеям аристократов кедровые дощечки, чтобы они меньше стирались.

– Я знаю, – раздражённо ответил Лаций. – Я сам носил сандалии гоплитов и гастатов. У них у всех деревянная подошва. Но как мне привязать кусок деревяшки к ноге? И где взять эту деревяшку? Я же не Марий... Это твой брат был сапожником, а не я! – он отбросил сапог в сторону и встал. – Надо найти кусок толстой шкуры. Иначе завтра вечером у меня не будет ноги.

Павел Домициан в это время с отвращением выплюнул зелёный волокнистый жмых и вытер рот рукой.

– Кожа есть только у варваров. Больше взять негде, – кисло добавил он и передёрнулся от горького вкуса слюны.

– Хуже не будет. Пойду к ним, – решительно произнёс Лаций и, засунув в рот несколько мягких зелёных отростков,

стал быстро спускаться вниз.

– Ты сошёл с ума! Тебя убьют. Лаций! Твой ум повредился. Это всё злые Фурии, я знаю... – но слова Павла Домициана были уже бесполезны. Лаций его не слышал. Он знал, что во время остановки кочевники обычно не очень внимательны и бросают лошадей рядом с повозками. Они всегда спешат установить свои островерхие палатки и только потом начинают разводить костры.

Но пока римляне собирали ветки и хворост, на стоянке кочевников что-то изменилось. Лацию бросилось в глаза, что лошадей стало гораздо больше и многие из них сильно отличались от приземистых лошадей сопровождавших их всадников. В аккуратно подстриженные гривы были вплетены небольшие яркие украшения в виде ленточек. Точно такие же виднелись и на хвостах. Эти скакуны были длинноногие, и у них над копытами не росли волосы. Возле двух больших палаток суеилось много воинов в простых плащах и коротких накидках с кожаными панцирями. Но были и другие – с широкими накладками на плечах и железными нагрудниками. Затылок у них прикрывал высокий воротник кожаного плаща. Узкие штаны с высокими сапогами и круглыми накладками на коленях явно принадлежали богатым воинам. И ещё у них не было шапок. Они все были в шлемах, которые выглядели, как перевёрнутые чашки. Шлемы были совсем гладкие и крепились только на одном кожаном ремешке под подбородком. Оружие тоже отличалось – у вновь

прибывших были копыта, в конце которых виднелись длинные широкие лезвия. Лаций сразу заметил все эти отличия и понял, что к ним кто-то приехал. Значит, кочевники не зря остановились у подножия этой горы.

Из-за суеты и неразберихи, которые царили в лагере хунну, ему удалось спокойно пройти мимо нескольких остроконечных палаток. Неподалёку стояла повозка с мешками. Под колесом он заметил то, что искал – кусок рваной шкуры с обрезанными ремнями. Быстро подхватив его, Лаций развернулся и хотел уже вернуться обратно, но тут его заметил один из стражников. До большой палатки, предназначавшейся, видимо, для приезжих гостей, оставалось не более десяти шагов, и он ещё раз отметил про себя, что охрана была организована плохо, потому что его так долго никто не останавливал. Да и сейчас, он, видимо, просто случайно оказался на пути у одного из кочевников, иначе тот тоже обратился бы на него внимания.

– Аан, чи! Чи хааша явах?¹ – конец длинного лезвия угрожающе блеснул и остановился у груди. Лацию показалось, что этот язык не был похож на язык варваров. Но ответить он всё равно не мог.

– Нога! Порвались кальцеи. Понимаешь? Смотри! – он приподнял голую стопу и показал ему кровь на пальцах. Для этого пришлось наклониться, и его шапка упала на землю. Стражник вытаращил глаза, увидев перед собой бритую го-

¹ Эй, ты! Куда идёшь? (монг.)

лову. – Надо сделать из кожи. Вот, из этой, – Лаций показал пальцем на вторую ногу в сапоге, затем – на кусок кожи и снова ткнул в голую стопу. – Понимаешь?

Кочевник уже пришёл в себя от такой неожиданной наглости странного раба. Видимо, ему раньше не приходилось сталкиваться с лысыми и бритыми белокожими людьми. Он что-то угрожающе прорычал и стукнул его древком копья по плечу. Лаций успел уклониться, и удар пришёлся лишь по краю руки и слегка задел локоть.

– Убери копьё! – громко произнёс он, чувствуя, что начинает злиться, но сдержаться не смог. Обычно в таких случаях жить любому рабу в лагере хунну оставалось недолго. И Лацию это было известно лучше, чем другим. Однако он ничего не мог с собой поделать. Судя по движениям стражника, тот собирался ударить его копьём в живот. Это уже было не предупреждение, а нападение. В висках застучало. Внутренний голос ещё пытался остановить его, спрашивая, зачем надо было дразнить глупого варвара и напрасно испытывать судьбу... Но Лаций опустил подбородок на грудь и спокойно ждал удар.

Кочевник сделал шаг и выбросил руку вперёд. Длинное лезвие на конце древка метнулось к животу лысого раба. Но на его месте уже никого не было. Только пустота. Не почувствовав опоры, широкоплечее тело кочевника качнулось вперёд. Он не удержался на ногах и упал на землю, стукнув древком о землю. Непонимание на его лице сменилась зло-

бой и яростью – грязный раб с голым лицом стоял совсем рядом и спокойно смотрел на него сверху вниз! Варвар попытался резким рывком вскочить на ноги, но не смог оторвать руки от земли и снова упал на колени. Теперь его лицо выражало растерянность. Он дёрнул древко на себя, но оно не пошевелилось. Через мгновение всё стало ясно – раб стоял на нём ногами и не давал оторвать от земли! Это был вызов!

Лаций видел, что тяжёлый плащ мешал его противнику свободно передвигаться, поэтому он продолжал стоять на месте, даже когда тот додумался отпустить древко и рванулся к нему с мечом. Злость – не лучший помощник в бою, но ослеплённый яростью кочевник, видимо, этого не знал. Он пролетел мимо Лация с вытянутой вперёд рукой и остановился только через несколько шагов, увидев, что впереди никого нет. Развернувшись, он что-то выкрикнул и стал медленно приближаться к нему, по-прежнему держа меч в вытянутой руке. Лаций поднял копьё с остроконечным лезвием, перевернул его тупым концом вперёд и, сделав резкий выпад, ударил кочевника по руке. Меч выпал, варвар от неожиданности вскрикнул и схватился за кисть. В этот момент со стороны большой палатки раздался топот ног, и Лация повалили на землю. Над головой были слышны крики и споры столпившихся варваров. Они крепко прижимали его к земле и не давали встать. Вдруг все затихли и, казалось, даже перестали шевелиться – Лаций не слышал ни топота ног, ни слов.

Все молчали. Когда его подняли, со стороны большой палатки подошли два невысоких коренастых воина в цветных халатах и штанах из ткани. Обиженный воин, злобно вытаращив глаза и порываясь ткнуть его мечом, стал что-то говорить им, но один из подошедших поднял руку и тот вынужден был отойти назад. Фигура и лицо этого немолодого воина показались Лацию знакомыми, и он вспомнил, что видел его во дворце Мурмилака. Второй был намного моложе, но чем-то напоминал старшего товарища: такая же вытянутая вверх голова, похожая на луковицу, невысокий лоб и странные глаза с надломленными верхними веками. Волосы одинаково зачёсаны вверх, а у висков собраны назад, за уши. Только борода и усы были меньше и реже, чем у того, что шёл впереди. Они что-то спросили, но никто из стоявших вокруг кочевников не смог им ответить. Тогда они повернулись к Лацию и задали какой-то вопрос. Он ничего не понял. Старший подозвал слугу, кивнул назад, и тот поспешил ко второй палатке. Вскоре он вернулся в сопровождении щуплого невысокого человека без бороды, в длинном толстом халате, под которым угадывалась женская фигура. Лоб до самых бровей был прикрыт шапкой, узкие, вытянутые глаза и маленький нос без переносицы сильно отличались от кочевников, и было видно, что она не принадлежит к роду хунну.

– Ты понимаешь меня? – женщина говорила по-гречески, но как-то странно, как ребёнок.

– Да, – кивнул Лаций. Он заметил в узких щёлочках ис-

корку любопытства и теперь уже точно был уверен, что перед ним женщина.

– Ты кто?

– Я – римлянин, а кто ты? Откуда ты? – не сдержался он.

– Ты – луома рен², кажется, это ромэикос³ на твоём языке. Так?

– Да, так.

– Ты – римлянин... Это далеко. А вот это народ унос⁴, – она сделала жест рукой в сторону воинов. Теперь её лицо стало видно лучше, и Лаций смог увидеть широкие плоские скулы и маленький подбородок. Женщина была совсем юной. Она продолжила: – Я из Джонггуо⁵. Я – не унос. Я – другой народ. Мы – джонггуо де⁶. Э-э... это Кина⁷, я – кинезика⁸.

– Кинезика – это Серес? – переспросил он. – Да, да, знаю. Это страна шёлка... – он не договорил, вспомнив разговоры Красса и Гая Кассия. Далёкий Серес... Эта страна находилась за Индией, откуда в Рим шли караваны с шёлковыми тканями. Лаций с удивлением покачал головой, но их разговор перебил резкий гортанный голос пожилого воина. Судя

² Римлянин (кит.)

³ Римлянин (греч.)

⁴ Хунну (греч.)

⁵ Китай (кит.)

⁶ Китайцы (кит.)

⁷ Китай (греч.)

⁸ Китайка (греч.)

по тому, как почтительно толпились за ним люди с оружием, этот варвар был здесь главным. Женщина что-то быстро ответила ему и поклонилась.

– Это – великий вождь унос Чжи Чжи. Он – шаньюй. Зачем ты здесь? Зачем ты сюда пришёл? – спросила она уже с совсем другой интонацией.

– У меня порвались сапоги, – Лаций показал на босую ногу и подождал, пока она переведёт. – Я пришёл попросить кусок старой шкуры. Сделать подошву. Без подошвы будут раны, и нога будет гнить. Я умру. Ты понимаешь?

Пожилой вождь что-то сказал недобрым голосом и дёрнул бородкой вверх.

– А зачем ты ударил воина унос?

– Я не бил его. Я взял кожу, а он кинулся на меня и хотел проткнуть этим копьём.

– Вождь говорит, что ты – раб и не должен был приходить сюда. Ты хотел убить нашего воина, за это ты должен быть наказан, – ещё тише перевела она. Лаций с сожалением вздохнул.

– Скажи ему, что если бы я хотел кого-то убить, то уже убил бы. Этот человек уже был бы мёртвым. А я просто выбил у него меч. Он даже меч держать не умеет! Тут вообще нет воинов. Скажи ему, что я стою возле большой палатки, где живёт важный человек. А караула, охраны вокруг нет. Только один этот стражник! – его несло, как сорвавшегося с привязи молодого жеребца, но накопившееся отчая-

ние не выдержало напряжения и теперь прорвалось наружу.

Лаций показал на палатку и удручённо покачал головой. Когда тихий тонкий голос женщины затих, со всех сторон раздались громкие возгласы возмущения. Но их снова прервал вождь.

– Где твои верёвки? Почему у тебя нет верёвок на ногах? – перевела его слова маленькая женщина.

– Э-э... – Лаций почесал бок, чувствуя, что маленькие вши-кровопийцы снова набросились на его кожу. Он усмехнулся и медленно ответил: – Скажи ему, что все верёвки съели вши, псиэрэс⁹. Знаешь это слово?

– Да, знаю, – кивнула она и перевела. Воины вокруг рассмеялись. Вождь тоже улыбнулся.

– Ты кто? Что ты умеешь? Почему так говоришь?

– Я – легат Лаций Корнелий Сципион Фиделий из армии Марка Красса, – гордо произнёс он. – Я умею воевать и строить, читать и писать. Дворец в Мерве, где он был, – Лаций кивнул в сторону крепкой фигуры предводителя, – придумал и построил я. Но я не хочу никого убивать. Так и скажи.

– Да, я помню, что ты строил дворец. И я обещал тебе, что отблагодарю тебя, если построишь мне такой же. Но ты ударил воина хунну!

– Что я могу сказать? Мне нужен только кусок этой кожи... и если есть, несколько деревянных дощечек, – пожав плечами, ответил Лаций, кивнув на лежавшую на земле ко-

⁹ Вши (греч.)

жу. Спорить было бесполезно, они не понимали его. Кочевники снова закричали, размахивая длинными копьями и тыча в его сторону. Лация стали дёргать, и из-под рубашки упали несколько мягких зелёных веточек, которые остались там после сбора лапника.

– А зачем тебе дерево для обуви? – с трудом подбирая слова, спросила она.

– Для подошвы. Кожа долго не выдержит. Тут везде камни. А дерево защищает кожу. Дерево надо прикрепить на подошву, вот так, – он показал, что надо сделать. – Если дождя, конечно, не будет, то выдержит.

В это время вождь что-то коротко приказал одному из державших Лация воинов, и тот, отпустив его, поднял с земли несколько зелёных веточек. Вождь покрутил их в руках и нахмурился.

– А это что?

– Это для зубов, – Лаций наклонился и тоже поднял одну из веточек. При этом нож, который всё это время находился у него под рубашкой на животе, чуть не выскользнул на землю. Он быстро выпрямился и положил веточку в рот. Затем пожевал её и скривился. – Она горькая. Но почему-то помогает. Зубы не выпадают. Боль проходит. Скажи ему, что мы узнали это в горах. С сатрапом из Мерва, Мурмилаком. Жевали в горах, когда нас один разбойник заманил в ловушку.

Женщина перевела. Чжи Чжи попробовал веточку, как и Лаций, после чего тоже скривился и стал отплёвываться.

Ему быстро принесли воды. Промыв рот, он сделал несколько глотков и сказал:

– Ты заботишься о своих людях. Это хорошо. Ты много умеешь. Это тоже хорошо. Но ты – раб. И ты поднял руку на воина хунну. Закон говорит, что он имеет право тебя наказать. Он убьёт тебя.

– Подожди! А если он не убьёт меня? – перебил Лаций.

Чжи Чжи нахмурился. До него дошёл смысл его слов, и он поднял вверх руку.

– Если ты останешься жив... Я перед лицом своих воинов и своего сына, – он повернул голову в сторону молодого спутника, – обещаю тебе жизнь. И никто больше не посмеет напасть на тебя с оружием.

Лаций чуть не спросил, почему тот не обещает ему свободу, но вовремя спохватился. Он оттолкнул от себя второго кочевника, который всё ещё держал его за руку и поднял с земли кусок кожи.

– Скажи ему ещё раз, – обратился он к маленькой женщине с узкими глазами, – я не хочу никого убивать. Мне нужна только кожа.

– Это не поможет, – одними губами ответила она. – Тебе придётся защищаться. Надо что-то делать, пока он не убьёт тебя. Мне жалко тебя... – она опустила голову, но её резко окликнул молодой сын Чжи Чжи. Он потребовал перевести эти слова. Услышав перевод, он рассмеялся и ответил:

– Ты же говорил, что здесь нет воинов! Но все видят, что

ты можешь только говорить. Ты вызываешь жалость у моей жены и боишься воинов, – он снова рассмеялся, и его подержали остальные кочевники.

– Всё равно повтори ему, что я не хочу никого убивать! – настойчиво попросил Лаций женщину и кивнул в сторону готовившегося напасть воина. Но тот только плюнул на землю и прорычал в ответ что-то невнятное.

Бой длился недолго. Лаций понимал, что у него нет сил сопротивляться. Он не мог броситься на сильного кочевника и в борьбе отобрать у него меч. Оставалось только уходить от ударов и стараться сохранить силы. Да, у него был длинный нож, но достать его было равносильно самоубийству. Его бы сразу разорвали на части. Какое-то время варвар, который, как и все остальные хунну, был всадником, пытался достать его острым концом меча, но Лаций не давал ему приблизиться и сбивал с толку короткими шагами из стороны в сторону. Устав делать выпады в пустоту, кочевник схватил меч двумя руками и стал рубить им наотмашь. Но он уже устал. К тому же, большой плащ и накладки на плечах не позволяли ему делать это быстро. С каждым ударом он поднимал меч всё медленнее и медленнее, пока совсем не устал. Тяжело дыша, он стоял и с ненавистью смотрел на целого и невредимого раба. В этот момент можно было подойти к нему и спокойно убить одним ударом в шею. Варвар не успел бы даже пошевелиться. Но опять же, для этого нужен был нож.

Отдышавшись и чувствуя поддержку своих соплеменников, неудачливый вояка снова ринулся вперёд. Однако он не успел приблизиться к Лацию, как что-то накрыло ему голову. Кочевник споткнулся и остановился. Кто-то дёрнул его за меч и вырвал его из рук. Схватившись за голову, варвар почувствовал, что на голове висит кусок старой кожи. Он скинул её и заорал диким голосом – меча нигде не было, а наглый раб стоял в стороне и дерзко улыбался. Он забрал у него меч и отбросил в сторону! Кочевник готов был разорвать его голыми руками. Он кинулся вперёд, но ноги почему-то совсем не слушались, и руки не поднимались, как раньше, быстро и сильно. Теперь уже никто не кричал и не подбадривал его. Лица вокруг были хмурыми и суровыми. Отчаявшись убить обидчика, кочевник кинулся к ближайшему воину и выхватил у него лук. Его товарищи заволновались, но резкий оклик Чжи Чжи заставил их замолчать. Закон был суров – воин может наказать раба, как хочет. И тут произошло неожиданное.

Увидев, что обезумевший хунну хватает у стоявших в толпе лук и стрелы, Лаций понял, что не сможет уклониться от стрелы, как от меча. Он инстинктивно сделал несколько шагов назад, поздно поняв, что надо было, наоборот, идти вперёд и нападать на противника, пока тот не натянул тетиву. Движение назад было ошибкой. Его остановили и несколько рук с силой толкнули в спину. Лаций споткнулся и упал на землю. Это спасло ему жизнь. Первая стрела оторвалась

от дребезжащей тетивы как раз в тот момент, когда он падал вниз. Она пролетела у него над головой и попала в живот стоявшему сзади воину. Тот вздрогнул, улыбка застыла у него на лице, затем боль пронзила всё тело, и из горла раздался хриплый стон. Все сразу же кинулись в разные стороны. Вторая стрела вонзилась в землю рядом с плечом, когда Лаций только приподнял голову. Ему было видно, как кочевник натягивает третью стрелу, и сердце подсказывало, что на этот раз он не промахнётся. Лаций успел встать на колено. В правой руке он уже держал тонкое чёрное лезвие. Никто не успел заметить короткий взмах руки и полёт ножа, потому что все смотрели, как кочевник натягивал лук. Но в самый последний момент он вдруг вздрогнул, на мгновение замер и, не выпуская его из рук, почему-то медленно опустился на землю. По толпе пробежал шёпот изумления. Опешившие воины несколько мгновений не могли пошевелиться. Они не понимали, что произошло, и со страхом смотрели на неподвижное тело своего товарища, у которого из груди торчала узкая чёрная рукоятка.

Через несколько мгновений они пришли в себя и бросились к телу. Но их соплеменник был уже мёртв. Хунну окружили Лация и смотрели на него с неподдельным ужасом и ненавистью. Чжи Чжи медленно подошёл к нему и остановился. Лаций не отвёл взгляд.

– Ты живой. Он погиб...

– Я говорил тебе... я не хочу его убивать, – хриплым

от волнения голоса произнёс Лаций. Он чувствовал, что сейчас всё зависело только от решения этого невысокого человека с угрюмым взглядом.

– Его похоронят по нашим обычаям. Я обещал тебе жизнь. Иди к своим людям. Тебя никто не тронет!

– Прости, могу я тебя спросить ещё? – чувствуя, что другого момента может не представиться, спросил Лаций.

– Что ты хочешь? – нахмурился вождь.

– Можно я возьму кожу для сапога?

Чжи Чжи так громко расхохотался, что все с удивлением посмотрели в его сторону, не зная, что делать – то ли убить раба на месте, то ли простить.

– Бери, сколько тебе надо!

– Скажи, куда нас ведут? И зачем?

– Глупый человек, ты со своими людьми должен будешь построить мне дворец и город! – гордо произнёс вождь, подёргивая рыжей бородой.

– А что будет потом?

– Потом?.. – переспросил кочевник и задумался. – Потом вы все там будете жить.

– Мы построим тебе самый лучший город, – громко произнёс Лаций. – Скажи, но ты отпустишь нас потом?

– Ха-ха-ха! – рассмеялся вождь хунну. – В наших степях самая прекрасная жизнь. Только здесь есть свобода и сила! – он перестал улыбаться и добавил: – Если ты сам захочешь уйти, тебя никто не будет держать! Но не забудь, что

ты должен построить мне настоящий дворец! – шаньюй повернулся и что-то громко сказал своим воинам. Те расступились и освободили Лацию дорогу. Оставаться дальше с этими непредсказуемыми людьми было опасно, и он поспешил уйти обратно. А нож так и остался в теле кочевника.

ГЛАВА III. БОРЬБА С ЛЮТЫМ ВРАГОМ

Римляне встретили Лация молча. На их лицах был написан немой вопрос. Все ждали его ответа. Люди уже были научены горьким опытом и предпочитали не выражать свои чувства слишком громко. Атилла первым бросился навстречу, отбросив в сторону большую ветку. С ней он собирался бежать на помощь своему другу. Он крепко обнял Лация и удивился его усталому внешнему виду, хотя у того на теле не было ни единой царапины.

– Нogu веткой пробил. Не хотели давать кожу для сандалий, – усмехнулся Лаций. Но все вокруг продолжали задавать вопросы, и ему пришлось рассказать что произошло на самом деле. Саэт сидела рядом, прикрыв лицо рукой, и слушала, не поднимая глаз. Но Лаций, в отличие от Павла Домициана, всегда старался говорить только о самом главном и очень коротко. И хотя ему всегда было приятно внимание друзей, но он не любил, как слепой певец, приукрашивать события, чтобы его слушали подольше.

Когда друзья разошлись, Павел подошёл к нему и, найдя на ощупь руку, крепко сжал своими ладонями.

– Я благодарю богов, что ты остался жив, – сказал он. – Ты не представляешь, как я волновался... Но Марс тебя не по-

кинул. Он услышал мои слова. Я сложу о тебе песню!..

– Благодарю тебя, Цэкус, но лучше не надо, – похлопал его по плечу Лаций с улыбкой, чувствуя, что постепенно приходит в себя. – Ты, как родная мать. Всех окружаешь своей заботой. Тебя только кто побережёт?

– Ты и побережешь! – назидательно заметил слепой певец. – Скажи, нож там остался? – осторожно спросил он.

– Ты шутишь? Конечно. Ты что, думаешь, мне предложили его забрать с собой? – искренне удивился Лаций.

– Нет, ну вдруг...

– Ты что! Я до сих пор не верю, что они отпустили меня живым... с этим куском кожи. А ты о ноже спрашиваешь!

– Хороший был нож, – как бы не слыша его, пробормотал слепой. – Острый...

– Ты где спишь? – решил сменить тему Лаций. Тело снова зачесалось – оставшиеся в одежде вши к вечеру кусались почему-то сильнее. – Надо ещё огонь разжечь.

Но оказалось, что всё уже давно было готово – лапник уложен вокруг огня, а у скалы сложена куча веток и палок, чтобы подкидывать ночью. Лацию не спалось, и он долго сидел у огня, поворачиваясь к нему то одним боком, то другим. Боги лишили его последней защиты – ножа. Но оставили жизнь. Это был явный знак. Знак свыше. Только что он означал? На что указывали боги? Этого он пока не понимал и, отламывая края веток, тупо бросал в костер. Зелёные иголки трещали и дымились, не поддаваясь огню, но потом занимались

ярким пламенем и хорошо горели. Лаций отломил ветку побольше и бросил в середину костра. Над ней поднялся столб белого дыма. Неожиданно налетевший порыв ветра прижал густое белое облако к земле и накрыл им спящие тела. Лаций закашлялся. Из глаз потекли слезы. Дым был едким и горьким, как те мягкие зелёные отростки, которые они жевали, чтобы спасти зубы. Пришлось встать на ноги, чтобы вдохнуть свежего воздуха. Вокруг было тихо. Даже на стоянке кочевников внизу. Спать не хотелось, хотя солнце уже коснулось края горизонта. Почти все римляне вокруг спали, измученные тяжелыми переходами. Однако Лаций не мог заснуть не только из-за волнения, но еще из-за вшей. Сегодня они обозлились на него и кусались сильнее обычного. По всему телу. Как будто мстили за что-то. «Может быть, этот едкий дым их задушит?» – подумал он. Павел Домициан, с которым он обычно советовался, уже спал, рядом с ним лежали Саэт и Атилла. Бросать одежду в огонь было глупо. Держать над костром – невозможно. Лаций бросил новую ветку. Широкий густой лапник накрыл пламя, и сквозь него стал просачиваться едкий дым. Его вдруг осенило, он быстро надел шапку на палку и положил на дымящиеся ветки. Белый дым окутал его с ног до головы, заставив на время отойти от костра. Когда огонь стал лизать края веток, грозя перекинуться на старую кожу, он схватил палку и бросил шапку на землю. Из неё шёл дым, как будто она тоже горела. Подождав немного, Лаций поднял старую кожу и поднёс к глазам. Он

вывернул её и долго присматривался. Но вшей нигде не было видно. Радостно хмыкнув, он подошёл к Атилле и растолкал его, несмотря на то, что тот упорно сопротивлялся.

– Дай поспать! Мы устали, – недовольно ответил старый друг, показывая на Саэт и намекая, что не хочет будить её. Но Лаций не обращал на это внимания.

– Помоги мне! Давай, быстрее! Потом падай и спи, сколько хочешь, – тихо, но твёрдо потребовал он, теребя друга за плечо. – Давай, давай. Что ты стал таким ленивым!

Когда Атилла узнал, что Лацию надо сплести несколько небольших корзин, он опешил.

– Ты куда собрался? Здесь нет ни оливок, ни яблок, ни слив... Я хочу спать... Да что случилось? – на широком небритом лице друга отразилось раздражение.

– Хочу согреть одежду дымом, – не отрываясь от кучи хвороста, из которого он вытаскивал тонкие длинные ветки, ответил Лаций. – Давай, бери. Не надо настоящую корзину. Сделай с большими дырками. Лишь бы из неё ничего не выпало. Я не знаю, как их плести. Помоги! Что стоишь, как Геркулес на охоте?

Вскоре первая корзина была готова. Ветки в некоторых местах треснули, но не сломались. Лаций сбросил с себя длинную рубаху и штаны, завернувшись в старый кусок ткани, который когда-то был плащом.

– А как ты их между ног уберёшь? На костёр верхом сядешь? – с усмешкой спросил Атилла. Он видел, как Лаций

задумался и недовольно нахмурился.

– Ты раньше не мог сказать? – недовольно буркнул он и стал чесать под мышками.

– Вот-вот, и там тоже, – добавил Кроний. – Надо сок лимона или глину, чтобы прилепить туда. Они застрянут и сможешь потом.

– Ты шутишь? Где мне взять глину? – возмутился Лаций. – Не могу терпеть! Это звери какие-то!

– Тогда резать, – со знающим видом заключил Атилла и улыбнулся, потому что на лице друга отразились все эмоции, которые тот переживал в этот момент.

– Что резать? – лёгкое облачко пара вырвалось у него изо рта и сразу же растаяло.

– Волосы, что ещё! – хитро улыбаясь, ответил Атилла и бросил ему вторую корзину. – Слушай, но они же всё равно потом от других к тебе перепрыгнут. Зачем всё это?

– Не перепрыгнут. Ты тоже сейчас всё снимешь и туда положишь!

– Нет, только не это, мне холодно! Я не хочу. Мне и так спокойно. Меня почти не кусают.

Но спорить с Лацием было бесполезно. И вскоре одежда Атиллы вместе с высокими сапогами перекочевала во вторую корзину. Горячий дым действительно помог избавиться от проклятых тварей в одежде, но Атилла оказался прав – на следующий день они невообразимым образом появились снова, хотя Лаций старался ни к кому не приближаться. Од-

нако он не сдавался. Поэтому две корзины кочевали за ним с места на место, и каждый вечер наполнялись серыми тряпками, которые он, несмотря на усмешки товарищей и их жён, держал над дымным костром, изгоняя назойливых вшей. Павел Домициан поддерживал его, но даже он не мог объяснить, почему во время ужасных переходов в пустыне у них на коже не было этих тварей.

– Может, они холод любят? – задумчиво изрёк он. – Или тебя?

– Нет, они обиделись, что он голову побрил, – с трудом сдерживая смех, добавил Атилла, и Лацию ничего не оставалось, как терпеть их насмешки и продолжать каждый вечер загружать корзины своей одеждой. По крайней мере, ночью он спал спокойно, и только наступившие холода заставляли его иногда просыпаться и жаться ближе к огню.

ГЛАВА IV. ПЕРВЫЙ ГОД НА СТОЙБИЩЕ ХУННУ

Через три дня вождь хунну и его сын покинули стоянку. Павел Домициан узнал, что они ускакали на запад. А римлянам по-прежнему надо было идти на восток. Через десять дней вереница растянувшихся на несколько миль людей и повозок вышла к широкой и бурной реке. Впереди виднелись острые крыши странных круглых палаток разной высоты. Всадники встрепенулись, стали улыбаться и что-то кричать, указывая в ту сторону. Даже Лаций слышал, как они повторяли слово «хурээ». Так хунну называли свои кочевья.

Это место располагалось вдали от широких дорог, торговых путей и даже приграничных городов других народов. Римлян оставили на большой площадке между рекой и палатками. Павел Домициан любил всё узнавать первым, поэтому сразу же стал искать человека, который рассказал бы ему об этом месте. Для этого ему нужен был поводырь. Почти все римляне уже ушли к реке, поэтому рядом никого, кроме Лация, не оказалось. Да и тот замешкался, помогая Атилле и Саэт. Он нехотя согласился уделить слепому другу немного времени. Взобравшись на груды камней, Лаций стал громко рассказывать, что видит, чтобы стоявший внизу Павел Домициан хорошо слышал его слова и не переспраши-

вал:

– Много палаток. Сверху идёт дым. У них там костры внутри. Все палатки тёмные. Нет... вон вижу светлую в середине. Большую. А дальше ещё одна. Наверное, она даже больше, чем первая. Воинов не вижу. Люди ходят между палатками. Странно. Кажется, там коровы с большими рогами. Их много. Но они далеко. Здесь, около палаток, верблюды и, наверное, ослы. Да, ослы, точно. А вот та, большая палатка, похоже, стоит на повозках. Что ещё тебе рассказать?

Павел Домициан расспрашивал, какого цвета дым, чувствует ли Лаций запахи, которые оттуда доносятся, есть ли там дети, какой формы палатки, из чего они сделаны, что носят люди и ещё много всего, что потом можно было рассказать вечером другим товарищам.

Первую ночь они так и провели под открытым небом, причём им даже не дали развести костры, и сердца римлян снова наполнились страхом. Однако утром оказалось, что о них просто забыли. Сопровождавшие всадники были так рады возвращению в свои родные шатры, которые они называли «гэры», что всю ночь праздновали возвращение. Римляне к ним не приближались, боясь непредсказуемого поведения. Дикие варвары были очень жестокими и казались им ещё хуже парфян. Однако утром всё изменилось. Как позже выяснилось, великий вождь хунну Чжи Чжи ускакал со своим сыном к правителю соседних земель, которые назывались Кангюй, а вместо себя оставил одного из помощников. Но тот

тоже забыл о римлянах и прислал своего слугу только через день. Среди женщин кто-то понимал язык кочевников, и они перевели, что слуга ищет большого раба по имени Лацца. Все сразу догадались, что это был Лаций. Когда его нашли, важный кочевник в халате уже проявлял признаки нетерпения.

– Великий кутлуг¹⁰ Ногусэ передаёт тебе слова своего господина лули-князя Тай Сина. Он говорит, что великий шаньюй Чжи Чжи Суань сказал, чтобы лули-князь Тай Син показал вам место для жизни. И теперь великий кутлуг Ногусэ говорит тебе, что вы должны жить здесь. Это – его главное слово.

– Что? Подожди... Я совсем ничего не понимаю, – замолтал головой Лаций. – Павел, ты хоть что-нибудь понял? – он повернул голову в сторону замершего в неподвижной позе друга, но тот поджал губы и отрицательно покачал головой. – А ты? – обратился Лаций к стоявшему с другой стороны Атилле. Но тот тоже с недоумением пожал плечами. Кочевник заметил, что его не понимают, и заорал на женщину, которая от страха присела на корточки и закрыла голову руками. Все вокруг заволновались и отошли немного назад. – Подожди! – протянул руку Лаций. – Дай мне спросить её. Всего несколько слов...

Женщина испуганным голосом перевела его слова. Варвар одёрнул зелёный халат, на котором были заметны потёр-

¹⁰ Кутлуг – представитель знати, богатый кочевник.

тости и дыры, и что-то недовольно пробурчал.

– Он разрешил. Говорит, спрашивай, – прошептала женщина.

– Ты скажи мне, кто эти все князья? Что они говорят? Ты сама понимаешь? – спокойно произнёс Лаций.

– Не совсем, – ответила она.

– Ладно, скажи, кто такой этот шаньюй? Или его спроси, – вздохнул Лаций.

– Шаньюй – это у них значит величайший, – протараторила женщина. – Тот, кто правит ими всеми.

– А-а, наверное, тот, с рыжей бородой и бешеными глазами. Я, кажется, его помню.

– Это самый главный царь у них, – добавила она тихо. Лаций улыбнулся и кивнул.

– Хорошо. Я понял, что шаньюй Чжи Чжи величайший. Дальше кто идёт? Кто у них просто великий?

Она уже немного пришла в себя и задала кочевнику вопрос. Тот стал объяснять:

– Шаньюй – главный. Дальше идут старшие в своём роду. Это – род Си, Лань, Сиббу и Хуань. За ними – мудрые князья, лули-князья, великие полководцы, главные управляющие и великие начальники. Так он их называет. Прости, я не знаю эти слова. Им подчиняются левые старшие вожди, которым подчиняются правые младшие вожди, а они потом приказывают кутлугам. Кутлуги – это важные люди.

– Понятно, что ничего не понятно! Всё одинаково... как

езде, – пробурчал Лаций. – Все главные и никого рядом нет... А ты кто?.. Ты к каким великим принадлежишь?

– Я – великий кутлуг Ногусэ, мой господин – лули-князь Тай Син.

– Подожди, – перебил его Лаций. – Это я уже слышал. Твои великие князья очень добры, что прислали тебя сюда. Но скажи, что они просили передать? Где нам жить?

– Вам надо жить здесь. Прямо здесь, на нашей земле. Это – великая честь, – напыщенно произнёс кочевник. Лаций даже опешил от такого ответа. Он стал задавать вопросы, стараясь выяснить, как им есть, пить, как добраться до леса, есть ли кожаные мешки для воды, но кочевник в зелёном халате упрямо твердил, что шаньюй Чжи Чжи уехал в столицу Битяль, а там живёт би¹¹ Соэтжай Карын из рода Уын, который уже давно правит народом Кангюя, который попросил великого вождя хунну Чжи Чжи взять в жёны его дочь. Поэтому там будет свадьба.

– О боги! Я запутался. Но что делать нам? Нам? Как нам быть? У них там свадьба, а нам как жить? – не выдержал стоявший рядом Атилла.

– Не говори ему эти слова! – попросил Лаций женщину. – Пусть дальше рассказывает. Скажи, что мы очень удивлены и рады его слышать.

– У меня тоже голова кругом идёт. Так много у них этих царей и правителей... – добавил Павел Домициан. Лаций ни-

¹¹ Хан, правитель (тюрк.)

чего не ответил, понимая, что надо дослушать до конца. Прошло довольно много времени, пока напыщенный кутлуг, наконец, не перешёл к римлянам. Уставшие слушатели давно опустили на землю.

– Всех рабов раздадут нашим людям. Это – люди лули-князя Тай Сина. Это – его хурээ, – кочевник показал на палатки. – Тут живёт племя Сүйбу. Здесь все люди племени великого Чжи Чжи. Они будут брать вас в свои гэры. Там вы будете работать до возвращения великого шаньюя.

– Что? Что он говорит? – заволновались римляне, не слышав его слов из-за мгновенно поднявшегося шума. – Куда брать? Где работать? А где нам жить?

– Тише! – Лацию пришлось встать, чтобы они его увидели. Особенно долго не могли успокоиться женщины. Но они тоже вскоре замолчали, увидев, что он ждёт только их. – Уже легче. Всех людей разберут по этим палаткам. Понятно? Тут живёт одно племя. У него есть свой вождь. В его племени мы будем жить до возвращения их главного царя. Короче, будем жить у этих варваров.

Дальше кочевник рассказал, что племя Сүйбу будет стоять здесь до весны. Это означало, что Чжи Чжи вернётся, скорей всего, только к весне. Что будет дальше, этот мелкий придворный не знал. Лацию он приказал следовать за ним к большой палатке. Это был гэр его начальника по имени Тай Син. После долгих расспросов и уговоров кочевник согласился взять туда Атиллу и беременную Саэт. Павла Домици-

ана он брать отказался наотрез, даже не став слушать, как тот поёт. В палатке Тай Сина кутлуг сообщил Лацию, что надо готовиться к постройке дворца и его господин дать римлянам всё, что они для этого попросят. Но пока просить ничего не пришлось, кроме еды и воды. Основную работу всё равно можно было начинать только весной.

Так началась новая жизнь римлян в далёкой степной стране. Им пришлось помогать кочевникам во всём: они следили за стадами, выделывали кожи, доили оленей, ловили рыбу, строили загоны, коптили мясо и даже охотились. Трудно было всем, поэтому разницы в отношениях почти не было. Если бы кто-то из римлян не работал, он бы просто умер от голода. Но точно так же умер бы любой хунну. Здесь Лацию впервые пришлось есть сырую рыбу и мясо, когда в горах их застала снежная буря; здесь же он попробовал странный напиток из молока кобылиц, который слегка кружил голову и вызывал лёгкую усталость.

К весне он даже выучил все слова, которые употребляли слуги в большой палатке Тай Сина, и постепенно научился общаться с ними на их несложном языке. Римляне ютились у самого выхода, но Саэт и Атилла не жаловались. Вторая, женская половина, была для всех под запретом, даже для мужчин хунну. Там жили женщины лули-князя и именно оттуда они могли бросаться разными вещами в мужчин во время ссор. Это иногда забавляло Лация и Атиллу, но не Саэт. Та вынуждена была работать и следить за маленьким ребён-

ком. Но ей уже начинал мешать большой живот. Атилла старался помогать, однако его весь день не было рядом, поэтому Саэт уставала так, что падала вечером на шкуры и сразу же засыпала. Они почти не общались, хотя спали рядом, и это было самое тяжёлое время их жизни.

Иногда к ним приходил Павел Домициан. Особенно часто это происходило в зимние холодные дни, когда ветры дули по несколько дней подряд и выйти наружу было невозможно. Именно тогда его пение и беззащитность привлекли внимание женщин лули-князя, и они уговорили слуг переселить слепого певца к ним в палатку, чтобы тот убажрал их своим голосом. Так они снова оказались все вместе. Мужчины хунну работали вместе с римлянами, но иногда давали им тяжёлую работу, когда надо было таскать камни или деревья из предгорий. Лация расстраивало, что он никак не мог научиться ездить верхом так же легко и умело, как хунну. Те всё время смеялись над ним, когда видели, как он пытается повторять их движения на лошади. Атилла сказал, что всё равно ничего не получится, потому что это не лошади, а большие ослы. Для Лация, как он считал, нужна была более высокая лошадь. Как у сатрапа Мурмилака, длинноногая и стройная, а не приземистая и патлатая, как у большинства хунну. Так говорил Атилла. Но стройные лошади были только у шаньюя и его знати, поэтому Лацию даже мечтать об этом не стоило. Однако он не сдавался и продолжал учиться при каждом удобном случае. К счастью, такие слу-

чаи предоставлялись постоянно, потому что следить за стадами можно было только верхом.

Охотились хунну не так часто, как парфяне, делая это, в основном, перед большими праздниками. На охоту они всегда брали с собой тех римлян, которые умели стрелять из лука или владеть копьём. Хотя по владению луком с хунну никто не мог сравниться. Они стреляли с лошадей, как парфяне, но намного точнее, чем вызывали у Лация неподдельное восхищение. И этому тоже было своё объяснение. Их дети начинали ездить верхом уже через год после того, как начинали ходить. Взрослые с радостью им помогали, и к пяти-шести годам малыши уже сами держались на спине, вцепившись в гриву маленькими ручонками и радостно разъезжая по становищу.

Но самая большая сложность, с которой столкнулись римляне в быту, было отсутствие воды и сливных клоак. В Ктесифоне, Мерве и других городах Парфии вдоль всех улиц были выдолблены узкие, шириной в две ладони канавы, куда горожане сливали отходы и испражнялись. Это напоминало Рим и было позаимствовано у греков. Лаций это сразу понял. В пути между городами никаких стоков и клоак не было. Однако хунну всегда отгоняли лошадей и скот на несколько десятков шагов от стоянки, и именно возле животных они приказывали рабам рыть ямы, куда справляли нужду и сбрасывали отходы. В Риме были большие горшки и чаши для внутренних туалетов, но они были только у богатых граж-

дан. Простые люди обычно ходили под забор, где пролегли городские сливные клоаки, или в специальные места возле театров и площадей, где для этого делались отдельные площадки с каменными широкими ступенями. Садясь на них, они справляли нужду и после этого шли дальше или возвращались на представление. Здесь же всё было совсем по-другому. Те хунну, которые разбрасывали отходы вокруг себя, вынуждены были часто перемещаться в другие места, но для них это было нормально. Как и ездить каждый день за водой. Поэтому когда римляне через два месяца проложили от верхнего порога реки несколько десятков разбитых пополам стволов, кочевники сначала даже не поняли, зачем это надо. Только дети всё время радостно бегали вокруг и играли корой и щепками. Они прятались за стволами, кидали друг в друга куски земли и мелкие камни и постоянно кричали. Римляне терпеливо выгребали из выдолбленных стволов траву и камни, и продолжали соединять их между собой. Наконец, однажды вечером по становищу разнёсся слух, что река течёт прямо на гэры. Почти все хунну выбежали из своих жилищ и увидели, что возле крайних островерхих жилищ действительно течёт вода. Она стекала в большую яму, из которой по вырытой дорожке убегала обратно в реку, только чуть ниже, у самого брода. Лаций попытался точно также сделать и со сливными ямами, но у него ничего не получилось, потому что хунну и их животные ходили, где хотели, и постоянно разрушали сделанные в земле стоки. К тому же

близилась зима, которая должна была заморозить их сооружения. Прижилось только одно нововведение – это деревянные вёдра для воды и обмазанные глиной плетёные корзины, в которые вечером или ночью выбрасывали мелкие отходы, а также справляли нужду женщины и дети. Их выносили за гэр, в большую бочку с двумя палками. А когда она наполнялась, римляне относили её к порогам и выливали в реку. Но Лаций с Атиллой решили, что как только начнут строить город, то сразу сделают в нём клоаки и хранилища для воды.

На такой большой стоянке, как здесь, всё было разделено между родственниками, которые старались держаться вместе. Так как хунну постоянно кочевали, то к зиме они угоняли свои стада на юг. Те, кто оставался, занимались земледелием, а зимой питались тем, что успевали запасти летом, и оставшимся скотом. Причём, большие стада были только у знати, у простых воинов и оседлых кочевников было по одному—два быка, несколько лошадей и около десятка свиней и овец.

Первая зима была долгой и тяжёлой. Для Лация единственной радостью было то, что в их палатке-гэре было целых два больших котла, один из которых ему удавалось время от времени использовать для кипячения воды, чтобы помыться. Кочевники смеялись над его причудами, называя римлян «нуцгэн хунну», голые люди, потому что те брились и мылись. Однажды ему удалось даже найти старый скребок для шкур, в который была вставлена полоска из железа.

Это была невероятная удача, и он несколько дней прятал его ото всех, наблюдая за кочевниками. Убедившись, что никто не ищет пропажу, он отдал его Атилле, чтобы тот наточил полоску. После этого они смогли снова спокойно бриться. Но с наступлением суровых холодов и ветров пришлось забыть о бритье, потому что борода защищала лицо.

В начале весны, с появлением на земле первых проталин и зелёных травинок, Саэт родила мальчика. Ей помогали женщины из Мерва и одна повитуха хунну. Несмотря на то, что Лаций считал их ещё большими варварами, чем парфян, он был вынужден признать, что общаться с этими кочевниками было проще и легче. Если кто-то нуждался в помощи, они сразу же делали то, что надо, а если не могли, то просто отходили в сторону.

Атилла был рад рождению сына. Он попросил Лация помочь ему принести жертву богам согласно законам Рима и получить их благословение, чтобы ребёнок рос сильным и здоровым. Он решил назвать его Зеноном. Лацию пришлось провести всю ночь в ожидании знаков на небе, но весенние ночи были ужаснее зимних из-за промозглых леденящих порывов ветра, и он вернулся в палатку ещё до полуночи, сказав, что видел на небе благоприятные знаки – несколько ярких следов от падающих звёзд. След были длинным, и это был хороший знак. По правде говоря, Лаций так сильно замёрз, что уже не помнил, видел ли эти звёзды или это были замёрзшие слёзы у него на ресницах. Но в душе он нашёл

оправдание своему поступку – от такого сильного и храброго воина не мог родиться слабый и болезненный ребёнок. Поэтому он искренне поздравил друга и лёг спать с чувством выполненного долга. По словам хунну, солнце скоро должно было стать горячим, но пока приходилось греться у костров под шкурами, внутри гэров. И Лаций постепенно стал привыкать к жизни в большой палатке лули-князя, который так долго отсутствовал вместе со своим шаньюем.

ГЛАВА V. ПЛАНЫ О ПОСТРОЙКЕ СТОЛИЦЫ ХУННУ

Через месяц после рождения сына Атиллы в становище вернулся великий вождь хунну Чжи Чжи. С ним прибыло огромное количество знати. Дочь правителя соседнего государства вышла замуж за предводителя хунну. Вместе с ней приехали и её многочисленные слуги. Вернулся в свой большой гэр и лули-князь Тай Син. Это был невысокого роста мужчина с суровым лицом. Казалось, что он никогда не улыбается. Залёгшие вдоль носа две глубокие складки только усиливали это впечатление. А густые, закрывающие глаза брови делали его похожим на дикого зверя. Разговаривая, он произносил слова резко и отрывисто, как будто рубил мечом воздух, и при этом всегда хмурился. Увидев римских рабов у входа в гэр, он остановился и оглянулся по сторонам, но затем молча прошёл внутрь. Для него они не отличались от шкур на земле и палок под войлоком. Несколько дней Лули-князь спал и ел, не глядя в их сторону. Казалось, даже крик маленьких детей не мог вывести его из себя, и Са-эт, которая поначалу пыталась выносить детей наружу, чтобы не навлечь его гнев, была поражена, когда одна из служанок передала его слова: «Не надо выходить, дети заболеют».

холодом». Слуга Тай Сина, тот «великий кутлуг» Ногусэ, который первым встретил римлян в этом становище, сразу же превратился в другого человека: он стал ходить на носочках, чаще сгибаться в спине, слушался только своего господина и незамедлительно выполнял его короткие приказы.

Через две недели после возвращения его отправили за Лацием к реке. Римляне в это время доставали из запруды рыбу. Атилла придумал заманивать её туда ночью остатками еды, а утром опускать решётку и не давать уплыть обратно. Когда кутлуг появился на берегу и с важным видом приказал Лацию следовать за ним, Атилла спросил его, зачем это надо. Но тот даже не удостоил его взглядом. Это выглядело необычно, а в простой, наполненной тяжёлым трудом жизни римлян любое неожиданное событие сначала удивляло, а потом вызывало беспокойство. Все понимали, что после этого должны были наступить какие-то перемены. И они наступили.

Оказалось, что за Лацием послал не Тай Син, а сам шаньбй Чжи Чжи. Но такой высокий и знатный человек, как лули-князь, не мог себе позволить лично поехать за рабом на речку, даже несмотря на то, что это приказал сделать его вождь. Оказавшись в огромном гэре самого главного хунну, Лаций удивился, что внутри было пусто и тихо. По кругу горели четыре костра, над которыми висели полукруглые медные крышки. Они не давали вылетающим из огня искрам подниматься вверх. В их жилище, у Тай Сина, таких кры-

шек не было. Лацию бросились в глаза большие куски плотной скатанной шерсти белого цвета, которую хунну называли эсгий¹². Её использовали только в гэрах важных кочевников, и по виду она напоминала такую же валяную шерсть серого цвета, которую в римской армии воины вставляли внутрь шлемов.

В середине гэра, между четырьмя кострами, сидел сам ша-ньюй. Нам нём был в ярко-синий шёлковый халат. Позади него стоял Угэдэ Суань, сын вождя. Подойдя ближе, Лаций заметил сбоку ту узкоглазую невысокую девушку, с которой разговаривал во время одной из остановок по пути сюда, когда убил напавшего на него стражника. Без приветствия и лишних слов Чжи Чжи сразу сообщил ему что надо будет сделать. Видимо, он ещё не знал, что Лаций уже неплохо изучил язык хунну, поэтому его слова, как и раньше, переводила узкоглазая жена его сына.

– Ты работал на реке. Но теперь надо делать другую работу. Ты будешь строить большой хурээ для меня и моего сына. Такой, как у Мурмилака, – Чжи Чжи говорил кратко и спокойно.

– Такой же дворец? – не поняв, переспросил Лаций. Его удивление оказалось настолько искренним, что Чжи Чжи усмехнулся и стал объяснять. Хунну нужен был город. Большой город со стенами. И ещё дворец. Большой и красивый.

– Здесь, на этом месте? И как же всё это построить? Здесь

¹² Войлок (монг.)

нет камня... – настроение у Лация сразу испортилось. Он понимал, что вождь кочевников требует невозможного.

– Сделай пока из дерева! У тебя есть тысяча твоих людей! – недовольно произнёс Чжи Чжи. – Что, мало? – нахмурился он, увидев, как Лаций сокрушённо покачал головой. – Эй, Тай Син! – громко позвал он. Лули-князь сразу же встрепенулся и шагнул вперёд. Его слуги остались стоять у входа. – Сколько у тебя людей? Здесь, в становище. Сколько?

Так начался долгий разговор, который несколько раз осторожно пытались перебить своими просьбами князя и другая знать, но Чжи Чжи резко их обрывал и отправлял ждать. В этот момент для него не было ничего важнее постройки города, и он хотел до конца понять, что надо сделать, чтобы этот римлянин смог его построить. В этом он был похож на Мурмилака, только решения принимал быстрее и не любил ждать.

Эта черта сразу бросилась Лацию в глаза, и потом он часто убеждался в том, что умение сосредоточиться на самом главном не раз приводило решительного и храброго предводителя хунну к победе. Через некоторое время Чжи Чжи позвал своего сына и ещё нескольких князей, потому что те вопросы, которые задавал Лаций, требовали их помощи. Так рядом с ними появился писарь с табличкой и пергаментом, что немало удивило его, потому что за полгода в поселении никто ничего не писал. Чуть позже принесли стол и большой деревянный поднос с песком. Лацию дали палочку и прика-

зали нарисовать город на песке в большом подносе. Выглядывавший сбоку писарь старался перерисовать его наброски на пергамент в мельчайших подробностях. Оказалось, что Чжи Чжи понимает все слова Лация. Он даже несколько раз поправлял его, упрощая рисунки. Потом писарь сел рисовать большую картинку на широкой выделанной шкуре, а вождь стал считать вместе с Лацием, сколько инструментов необходимо будет привезти для постройки стен и домов. Это было непохоже на поведение предыдущих правителей парфян и их знати, но Лаций уже не удивлялся. Если это чувство можно было так назвать, то он испытывал радость от искреннего и конкретного обсуждения всех мелких деталей строительства. Когда они закончили, Чжи Чжи замолчал и, поджав губы, уставился вперёд неподвижным взглядом. Все ждали.

– У нас ничего нет! Смотри, сколько всего надо! – наконец, с горечью произнёс он, хлопнув себя по колену. – Ну что, Угэдэ, – со вздохом добавил он, повернувшись к сыну, – придётся ехать к твоему ненавистному дяде.

– Куда? – переспросил тот, не поняв отца.

– К Хуханье, – сказал вождь хунну и улыбнулся. Все вокруг сразу заволновались. Лаций видел, как знатные кочевники с удивлением переглядывались, пожимая плечами, а самые смелые что-то шептали друг другу. Было видно, что это имя не вызывает у них радости.

– Но ведь он же проданся ханьцам! Его кормит Юань Ди! – не сдержался молодой Угэдэ Суань. – Проданся за рис и бо-

бы, за еду! Он стал рабом императора ханьцев!

– Не совсем, – усмехнулся шаньюй. – Он хочет перехитрить нас. Вот и всё. Если долго сидеть на берегу реки, то можно дожидаться, когда мимо тебя проплывёт труп твоего врага. Он думает, что я умру раньше, чем он, пока ханьцы будут присылать ему еду из-за большой стены. А потом он снова захочет стать правителем всех народов.

– Прости, но ты можешь попасть в засаду. Твой брат не простит тебе обиду. Его сыну не дали ханьскую жену, как твоему, – осторожно заметил Тай Син. Но Чжи Чжи поднял вверх руку, и все замолчали.

Лаций был благодарен судьбе, что в пылу спора кочевники забыли о нём и о маленькой хрупкой женщине, которая теперь стояла рядом с ним и писарем, рисующем на новой шкуре будущий город. Она тихо переводила Лацию всё, о чём они говорили, и он постепенно начинал понимать, что Чжи Чжи был не только храбрым и решительным воином, но и очень проницательным вождём.

– Мой брат выбрал еду и спокойствие. Он не может прийти на мои земли и пасти свои стада здесь. Но он тоже хочет жить. И не хочет воевать. У него был договор со старым императором Сюань Ди. Но тот умер. Теперь в империи Хань правит его сын Юань Ди. Он не станет нападать на нас в первый год своей власти. Даже если его подговорят евнухи. Пока он старается понять, кто сильнее – я или мой брат. А чтобы император понял, что я – главный вождь хунну, мы поедем

к моему брату сами. Сделаем всё как надо. Пошлём с дарами тебя, Тай Син, отвезёшь ему шкуры и золото из Кангюя. А взамен попросим у него всё, что нужно нашим рабам, чтобы построить город.

– А если он не даст? – спросил кто-то из знати.

– Попросим у ханьцев. Скажем, что будем выращивать рис, как они, – рассмеялся Чжи Чжи. – И возьмём туда несколько белых рабов. Этого тоже! – он кивнул в сторону Лация. – Пусть выберут всё, что нужно. Он будет отвечать за эти палки и скребки. Берегите его, понятно?!

– Да, – закивали головами приближённые.

– А когда новый император узнает, что мы будем строить столицу, он задумается. И пошлёт к нам послов. Вот увидишь! – рыжебородый вождь снова хлопнул себя по коленям и радостно рассмеялся.

Так Лаций стал снова главным строителем, а Атилла, по его просьбе, – первым помощником. Но вначале им и ещё двум десяткам римлян пришлось отправиться на запад, вокруг длинной вереницы огромных гор, которые, казалось, подпирали небосвод и были выше самого неба. Вместе с хунну они двигались к границам страны шёлка, где им предстояло выбрать строительный инструмент.

ГЛАВА VI. ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С НОВЫМ НАРОДОМ

На дорогу ушёл целый месяц. И когда длинная вереница всадников с повозками и скотом спустилась с горной дороги на равнинную местность, там уже была поздняя весна. Всё вокруг цвело, и деревья благоухали невероятными запахами. Продвигаясь вдоль широкой реки, которую местные жители называли то «жёлтой рекой», то «горе сыновей хана», они добрались до того места, где располагалась вторая часть племён хунну под предводительством Хуханье, брата Чжи Чжи. Лаций был удивлён количеством островерхих палаток-гэров, заполонивших весь берег на расстоянии целой мили от реки. При этом они тянулись вдоль неё не меньше десяти миль. Гэры стояли плотными рядами, и между ними не было свободного места. Он не ожидал увидеть такое количество кочевников. Их было явно больше, чем на стоянке Чжи Чжи. Везде было всё одно и то же: грязные накидки из эсгия¹³, шкуры убитых оленей, любопытные взгляды детей и застывшие рядом матери с напряжёнными лицами. Ещё – большие стада оленей и лошадей. И только буйно цветущая

¹³ Эсгий – войлок.

природа скрашивала убогий быт этих кочевников, живших на северной границе с империей Хань.

Хуханье узнал о приезде брата незадолго до его появления, потому что тот решил не посылать никого вперёд и нанёс ему неожиданный визит. Сначала Чжи Чжи встретили несколько представителей знати, потом – какие-то воины и только после этого появился сам Хуханье, в ярко-красном халате и синих штанах. На его лице застыли растерянность и испуг. Лаций не мог поверить, что он был братом Чжи Чжи – настолько непохож он был на крепкого и жилистого шаньюя. Это был толстый и неповоротливый человек с обвислыми щеками и опущенными вниз уголками губ. Все сразу заметили, что он не ждал гостей и теперь не знал, как их принимать, хотя его и предупреждали. Видимо, Хуханье не думал, что его брат доедет так быстро. Перед ним стояли несколько воинов, через спины которых он и разговаривал с Чжи Чжи. Но тот вёл себя спокойно, как будто не замечал разделявшей их преграды из тел стражников, и всё время улыбался. Через какое-то время они прошли внутрь большого белого гэра, и, по лицам всадников Лаций понял, что всё закончилось нормально.

Как и предполагал Чжи Чжи, его брат не дал ему никаких инструментов, потому что не собирался заниматься земледелием и жил только за счёт получаемых с ханьской стороны продуктов и мяса своих лошадей и оленей. Прошла неделя, и в кочевье хунну приехал гонец от губернатора соседней

провинции по имени Сяо. Чжи Чжи оказался прав – в империи Хань были озабочены его появлением и не знали, чего ждать дальше. Вскоре узкоглазый ханьский посол покинул становище Хуханье с большими дарами для губернатора, а через неделю снова вернулся, чтобы передать приглашение приехать в столицу провинции. Но хитрый Чжи Чжи отправил туда только своего сына с его молодой женой-ханькой. Он знал, что встреча шаньюя хунну с губернатором одной из провинций выглядела бы неравноценно. А вот для его сына, Угэдэ, это был хороший опыт. К тому же, жена сына была знатной ханькой, её сестра была замужем за губернатором соседней провинции. Это был известный род. Хунну могли задержаться там на полмесяца и пообщаться. А сын должен был сделать так, чтобы римляне успели выбрать за это время необходимый инструмент. Но получилось всё не так быстро и просто, как хотелось.

Перед тем, как добраться до столицы провинции, хунну пришлось проехать невероятное сооружение, которое произвело на Лация такое же впечатление, какое Рим, наверное, произвёл бы на любого кочевника. Это была высокая и широкая стена, которая тянулась по горам от одного края земли до другого и, казалось, не имела ни конца, ни начала. На одной из стоянок ему удалось узнать у жены молодого сына Чжи Чжи кое-какие подробности. Случилось это так: Лаций подошёл к Угэдэ Суаню и спросил, знает ли тот, как эти маленькие люди смогли построить эту стену. Тот позвал

жену. Здесь, у костра Лаций впервые узнал её имя – Чоу Ли. Юная ханька рассказала ему, что эту стену построил великий император Цинь Шихуанди. Приблизительно за двести лет до этого он объединил все провинции и построил её, чтобы защититься от постоянно нападавших с севера кочевников. Строили стену сто лет, особенно тяжело было возводить на каждом холме или горе промежуточные башни, так как под ними должны были находиться конюшни для гарнизонов. Сверху по стене постоянно ездили три всадника. Они следили за вражеской стороной. Если там появлялись кочевники, то на башне сразу поджигали заранее приготовленный хворост и отправляли гонцов с этим известием в ближайший город. Лацию было интересно, сколько людей строили эту стену. Но когда Чоу Ли назвала цифру, он подумал, что ослышался.

– Пентакосиэс хильядэс¹⁴, – утвердительно кивнула Чоу, повторив цифру ещё раз.

– И откуда же их столько взяли? – с удивлением спросил он. Чоу Ли рассказала, что это были люди, которые попали в рабство за долги и провинности.

– Тогда какая же у них армия? – не сдержался Лаций. Когда она начала рассказывать, что в каждой провинции существует своя армия в сто тысяч человек, он с недоверием покачал головой. – А сколько же провинций? И какая армия у главного царя?

¹⁴ Пятьсот тысяч (греч.)

– У императора армия может быть в десять или двадцать раз больше, чем в одной провинции, – добавила она. Угэдэ сидел рядом с Чоу и тоже задавал короткие вопросы. Ему было интересно, чему удивляется этот странный раб. Получая ответ, он каждый раз улыбался, кивал несколько раз головой, потом закидывал её назад и произносил странный звук, похожий на долгое «а-а-а...», как будто его это совсем не удивляло, а Лаций для него ничем не отличался от ребёнка, которого можно было понять и простить.

Когда через два дня пятьсот всадников хунну прибыли в небольшую столицу северной провинции, люди губернатора сразу постарались занять их развлечениями и охотой. Увидев город издалека, Лаций подошёл к Атилле и стал обсуждать с ним стены и рвы. Они казались ему слишком маленькими и неприспособленными для защиты. Дома с изогнутыми многоярусными крышами тоже вызывали удивление, потому что здесь всё было не так, как в том мире, где до этого жили римляне.

Вокруг города раскинулись огромные поля, наполовину залитые водой. На поверхности торчали еле заметные кончики зелёных ростков. На пути им то и дело попадались полуголые люди с палками, похожими на лопаты и тяпки. Всё говорило о том, что в городе были кузницы и железо. А остальное уже было вопросом времени.

Но первых три дня прошли впустую, потому что сына Чжи Чжи нигде не было видно. Когда на четвёртый день Лаций

случайно столкнулся с ним возле ярко раскрашенного дома губернатора с голубой крышей и красными драконами и осторожно поинтересовался, когда можно будет посмотреть инструмент, тот с удивлением спросил:

– Зачем торопиться? Перед отъездом всё найдём.

Лацию стало понятно, что если они вернутся ни с чем, Чжи Чжи заставит римлян рыть землю, строить стены и дома вручную. Поэтому он провёл полдня у конюшни, делая вид, что следит за лошадьми, наливая и выливая воду из длинных корыт, пока не увидел у дверей дома Чоу Ли. Она вышла встречать мужа, но тот задержался у ворот. Лаций поднял руку и помахал, стараясь привлечь её внимание. Она заметила его и удивлённо подняла брови. Но потом быстро пришла в себя и приказала служанке подвести его ко входу. Лаций рассказал о разговоре с её мужем, но она только улыбнулась в ответ. Результат превзошёл все ожидания. Лаций не знал, что в этот вечер из соседней провинции приехала её сестра со своим мужем губернатором. Этого пожилого чиновника звали Бао Ши, и он был в близких отношениях с главным министром империи Хань. Провинция, где он служил императору, считалась главной на центральной равнине, и поэтому его все боялись и уважали. На следующий день римлянам показали склады с тямками и кольями, но они не подходили для строительства. Нужно было покупать или делать новые лопаты, кирки и другие инструменты. Тогда им разрешили пойти к ремесленникам, и там уже всё пошло по-

другому. Однако вместо двух недель они пробыли в переполненном маленькими людьми городе почти месяц. Всадники хунну и молодой Угэдэ Суань, казалось, этого не замечали. Они радовались, как дети, что могут показать ханьцам своё умение стрелять на скаку и охотиться, в то время как те только удивлённо кивали головами и хвалили их. Почти каждый день в доме губернатора проходили вечерние пиры, куда на разукрашенных носилках приезжали различные важные люди в ярких, цветных халатах. Лаций видел их повозки и носилки, расшитые разными цветами, но даже не догадывался, что половина из побывавших в гостях у губернатора людей были из тайной канцелярии самого императора. Все они пытались выведать у сына Чжи Чжи истинные намерения его отца, но хитрый шаньюй знал, кого отправлять. До этого его сын провёл при дворе императора пять лет вместе с двоюродным братом, сыном Хуханье. В итоге, ему предложили взять в жёны одну из дочерей главного цензора, третьего человека во внутреннем дворе императора. Это говорило об уважении и страхе перед его отцом, шаньюем Чжи Чжи, а сыну Хуханье такого внимания не оказали.

Но когда год назад старый император умер, Чжи Чжи приказал сыну срочно вернуться. Теперь новому императору, чтобы получить подтверждение о мире с хунну, надо было самому сделать первый шаг. И чтобы подготовиться к этому, его двор старался узнать у сына Чжи Чжи, о чём думает его отец. Однако всё было тщетно. Кроме красивых ис-

торий о будущей столице на реке Талас молодой Угэдэ ничего не рассказывал. Это расстраивало приближённых императора и заставляло посылать туда новых, более изощрённых и опытных цензоров. Самый последний из них приехал за несколько дней до отъезда хунну. Это было вечером, и его носилки, как и лицо, Лаций запомнил лучше других. Все остальные были безликие и одинаковые: в разноцветных халатах, с зализанными волосами и короткими деревянными палочками на затылке, они все смотрели себе под ноги и, не поднимая головы, спешили пройти в дом губернатора, не обращая внимания на приветствия встречавших их местных чиновников. Римляне обычно находились в это время внутри складов. Но Лаций часто выходил наружу, чтобы понаблюдать за странными маленькими людьми, которые, даже выпрямившись во весь рост, не доставали ему до плеча. Однако последний гость отличался от них. Он был на голову выше остальных и держался намного увереннее. Первое, что бросалось в глаза – это отсутствие живота. Второе – взгляд. На худом, тёмном лице со впалыми щеками его глаза казались слишком большими, потому что они не прятались в узких щелочках, как у других. Он внимательно осматривал всех, пока шёл по ковровой дорожке к ступеням, где его, подобострастно улыбаясь, ждал сам губернатор. Походка этого человека была упругой и твёрдой, чувствовалось, что он ещё не стар и полон сил. Не доходя несколько шагов до ступеней, он вдруг заметил стоявшего вдалеке Лация и остановился.

Сопровождавшие его слуги чуть не упёрлись цензору в спину и стали с удивлением оглядываться по сторонам, стараясь понять, что же привлекло внимание их господина. Но им, как и несчастному губернатору, не было видно Лация, который стоял в проёме ворот, прислонившись к одной из створок. Его видел только этот странный гость. Потом Атилла сказал, что его привлекло, наверное, бритое лицо и нежелание согнуться пополам, как все остальные.

Как бы там ни было, незнакомец не стал выяснять, кто находится в дальнем углу двора и, к огромному облегчению слуг и губернатора, направился внутрь. На следующий день он покинул дом гостеприимного хозяина, так ничего и не узнав. Это сильно его расстроило, потому что при императорском дворце считалось, что если собеседник что-то не говорит, то это значит, что он что-то скрывает. А если не отвечает на второй вопрос и переводит разговор на другую тему, то его тайну надо обязательно узнать. Допустить, что молодой сын Чжи Чжи ничего не скрывает, а просто не знает, этот странный гость не мог. Все вокруг что-то недоговаривали, и цензор это точно знал. Поэтому неудача с Угэдэ Суанем сильно задела его самолюбие. Ведь даже жена этого юного кочевника, Чоу Ли, ничего не смогла ему рассказать. Она ничего не знала. Это было неслыханно! Покидая дом губернатора, важный чиновник даже не попрощался с хозяином и его женой, пройдя мимо них, как мимо каменных статуй. Он в задумчивости смотрел перед со-

бой неподвижным взглядом и перебирал в уме что ещё можно было бы сделать, чтобы заставить молодого хунну рассказать все свои секреты. Дойдя до носилок, гость внезапно остановился и его взгляд приобрёл осмысленное выражение. Он вдруг почувствовал, что ответ где-то рядом, совсем близко, может быть даже за спиной, и это чувство заставило его обернуться. В нескольких шагах позади стояли обескураженные слуги, за их спинами виднелись бегающие глаза испуганных местных чиновников, которые стояли вдоль посыпанной мелким белым камнем дороги, а у самого дома с каменными лицами застыли губернатор и его жена. Они не понимали его поведения и не знали что ждать от такого опасного посетителя. Но и на этот раз никто из них не увидел странных белокожих рабов, сидевших на перевёрнутом крыте у дальнего склада в глубине двора. Один из них стоял, опираясь на странную лопату с большим широким концом, и внимательно смотрел на гостя. Это был тот самый светлокожий бритый человек со шрамом, которого он видел накануне вечером. Уголки губ на нервном, худом лице важного чиновника дрогнули и слегка поднялись вверх, застыв в самодовольной улыбке. Кое-что ему стало ясно. Хотя бы то, что маленький змеёныш хунну не лгал и его отец действительно собирался что-то строить. А вот зачем ему был нужен этот город, должен был узнать другой человек. Для этого можно было отправить к хунну посла. И ещё несколько внимательных счетоводов, чтобы узнать численность племе-

ни и поголовья скота. От этого зависело, когда эти кочевники будут готовы напасть на империю в следующий раз.

Через несколько мгновений тёмно-синий халат и высокий узел волос скрылись в носилках, и у Лация в памяти осталась только жёсткий, беспощадный взгляд, который говорил об этом человеке лучше всяких слов. Тогда он ещё не знал, что это был брат самой императрицы – Ван Ман.

Когда настало время уезжать, три десятка повозок были доверху набиты инструментом. Атилле с несколькими помощниками даже удалось сделать несколько десятков топоров. Однако никто, включая самого Угэдэ, не знал, как оплатить работу, и, как потом стало известно, эту проблему снова решила Чоу Ли. Она пообещала, что все расходы оплатит слуга императора Хуханье. Удивлённые и растерянные чиновники во главе с губернатором провинции вынуждены были согласиться. Молодой Угэдэ подписал какую-то бумагу со списком инструментов и их стоимостью, после чего кочевников проводили до ворот города и губернатор Сяо сразу же направил гонцов в столицу. Поступок Чоу Ли, долг Хуханье, визиты инспекторов двора и приезд самого Ван Мана – всё это беспокоило его, потому что за этими событиями чувствовалось внимание великого императора. С одной стороны, во внутреннем дворе уже знали о визите хунну. Но с другой стороны, его ранг чиновника обязывал отчитаться об этом перед императором лично. Но сделать это правильно было не так легко. Губернатор Сяо никогда не видел

так много «дворцовых крыс» у себя в доме, и его разум кричал от страха. Поэтому он, в конце концов, отчаялся, взял бумагу и постарался описать всё, как было, после чего отправил письмо в столицу в запечатанном конверте¹⁵.

¹⁵ В запечатанном конверте отправлялись только письма особой срочности, которые сразу же доставлялись императору. Остальные письма должны были отправляться в открытых конвертах. Если же письмо не соответствовало статусу, отправитель получал 80 или 100 ударов палками.

ГЛАВА VII. ВОЗВРАЩЕНИЕ В СТАНОВИЩЕ С НОВЫМИ СОЮЗНИКАМИ

Чжи Чжи встретил сына сразу за стеной. Его люди уже свернули свои небольшие гэры и теперь быстро присоединились к небольшому отряду Угэдэ Суаня. Лаций заметил, что кочевников стало больше. Теперь среди них было много рыжеволосых всадников в длинных шапках. По бокам головные уборы были надрезаны и, когда они надевали их на голову, в этих местах из шапок торчали уши. Атилла обозвал новых воинов «глухими лисицами», и всю дорогу с недоверием и опаской следил за их поведением. Это племя хунну принадлежало к другому роду. Оказалось, что его князь решил присоединиться к Чжи Чжи, чтобы пойти с ним в поход за добычей. Рыжеволосые воины были агрессивнее кочевников из племени Суйбу, и между ними несколько раз возникали споры и драки. Атилле всё время поражало, как они ловко едят мясо, впиваясь в большие куски зубами, а потом отрезая его у самых губ быстрым резким движением ножа. Он пробовал повторить это несколько раз, но только поцарапал щёки и губы, после чего вообще решил есть только руками. Хунну всегда со смехом наблюдали за тем, как он мучится, стараясь повторить их движения, и потом забирали

нож, который перед этим специально давали ему для того, чтобы посмеяться.

– Варвары, что скажешь! – вздыхал он. – Но вот нож бы мне такой не помешал. Острый очень...

Однако ножи им по-прежнему не давали. Самым острым режущим предметом у римлян были скребки для выделывания кожи. И Лаций понимал, почему хунну после охоты всегда спешили забрать у них луки и копья, а затем тщательно всё пересчитывали – делать оружие было трудно и долго, поэтому оно ценилось на вес золота.

Однажды вечером, во время одного из споров у костра кочевники двух племён поссорились. Рыжеволосые набросились на воина Суйбу, и один из них ударил его ножом. Тот умер, так и не успев наказать обидчика. Здесь римляне впервые увидели, как хунну наказывают за преступления. Всех, кто участвовал в нападении на погибшего, поставили на колени. Перед ними вышел их вождь, такой же невысокий, как и Чжи Чжи, только с большим животом и длинными рыжими волосами. Он сказал несколько слов, затем помолчал и громко выкрикнул приказ. Каждому привязали к плечам палку, как будто собирались распять, и уложили лицом на землю. Два человека сели сверху на палку, чтобы шея и плечи были прижаты к земле, а двое других, схватив за ноги, стали прижимать пятки к затылку, пока не сломался позвоночник. Такая участь постигла всех виновных. Тела оттащили в сторону и бросили недалеко от стоянки. После этого у костров

послышались призывы к еде, и все, как ни в чём не бывало, поспешили к дымящимся и аппетитно пахнущим тушам оленей.

В становище племени Сюйбу их встретили с радостью, но Лаций заметил, что во взглядах, которые бросали мужчины и женщины в сторону рыжеволосых всадников, была видна настороженность. Римляне тоже радовались возвращению своих товарищей, потому что те привезли топоры и лопаты. Это были самые ценные после ножа вещи. Три месяца они, не покладая рук, строили длинные деревянные дома, в которых можно было спокойно пережить зиму. Чжи Чжи согласился на это, потому что потом эти постройки можно было бы использовать как склады. Правда, он не понимал, зачем внутри нужны были большие камни, которыми эти странные гололицые люди обкладывали места для костров, и ещё зачем они соорудили большую постройку у реки, где всегда было сыро и холодно. Но когда Лаций объяснил ему, что они будут там мыться, шаньюй рассмеялся и стал тыкать ему в грудь плёткой, называя речной крысой. Все князья и кутлуги тоже стали смеяться. И даже знать со стороны новой жены Чжи Чжи пренебрежительно посмеивалась, кривя губы и плюясь на землю. Но Лаций не обижался. Главное, что хунну не мешали им работать, как парфяне. Атилла нашёл несколько плоских камней, которые они с радостью притащили и укрепили над ямами для костров. Когда камни

разогревались, их можно было поливать водой, а внизу ставить ведра и корыта, в которые она стекала уже тёплой.

Наступившая осень принесла с собой промозглые утренние холода и дожди. Римляне прятались от них в больших длинных постройках, мечтая, что скоро смогут опробовать свои рукотворные термы. Лаций тоже с нетерпением ждал этого момента, уже устав бриться и жарить одежду над костром за стойбищем. Однако его мечтам не суждено было сбыться.

ГЛАВА VIII. ИНТРИГИ ВНУТРЕННЕГО ДВОРА ИМПЕРАТОРА

В то время, когда хунну во главе с Чжи Чжи возвращались в своё кочевье на реке Талас, в столице империи Хань, городе Чанъань, происходила встреча великого императора Юань Ди со своим главным министром. Они обсуждали последнее сообщение от губернатора Сяо из северной провинции, которое доставили во дворец в запечатанном конверте.

Империя Хань, спустя десятилетие после гибели Краса, переживала не лучшие свои времена. Несмотря на наличие большой стены на севере страны, её границы всё равно оставались уязвимы, и удержать кочевников император и его «внутренний двор» могли только при помощи мирных договоров с многочисленными врагами, одновременно поощряя между ними постоянную междоусобную войну. С одним из вождей хунну по имени Хуханье им удалось подписать самый удачный договор – за еду те жили под стеной и не нападали на крайние провинции империи. Вторым опасным племенем были усуни. С их вождём, гуньмо, удалось договориться о борьбе с непокорными племенами хунну, и при прежнем императоре им был нанесён серьёзный урон. Тем не менее самый опасный враг империи Хань был внутри неё.

Это были коррупция и гуаньси или назначение на должности по родственному принципу. Чиновники тайно скупали земли и повышали налоги, а поддерживавшие их во «внутреннем дворе» министры постоянно боролись за благосклонное отношение императора, чтобы обеспечить себе и своим подданным наибольшую выгоду. В такой обстановке пришедший к власти молодой император Юань Ди вынужден был постоянно находиться в напряжении и перед принятием каждого решения взвешивать все за и против, с учётом интересов противоборствующих сторон своего «внутреннего двора».

– Твой раб считает, что в этом письме губернатор Сяо «пририсовывает змее ноги», – не поднимая головы, произнёс главный министр после приветствия.

– Несчастный сильно испугался, это понятно... но в его словах нет ничего страшного, – устало ответил император и встал, чтобы пройтись. С утра шёл сильный дождь, и спина снова начала ныть, как и год назад, когда он почти целый день вынужден был сидеть неподвижно на похоронах отца. К тому же теперь всё чаще давали знать о себе больные колени. Однажды в детстве ему пришлось простоять на холодном камне почти всю ночь, и после этого боли не прекращались. Теперь, когда приходилось долго сидеть без движения, колени начинали ныть, и он медленно выпрямлял их под широким халатом, стараясь, чтобы пронзительная боль не заставила его случайно вскрикнуть. Сейчас, после нескольких ша-

гов стало легче. Император остановился возле трона и вернулся мыслями к разговору. – Губернатор Сяо живёт слишком близко с хунну и не видит, что происходит вокруг. Он ведёт себя, как «лягушка на дне колодца». Каждая капля кажется ему водопадом. Но он хорошо знает в этом колодце каждый камень.

– Хуашан хочет, чтобы несчастного Сяо наказали? – склонившись в поклоне, спросил главный министр, не поняв его мысли.

– Зачем, Цзинь Чан?.. – недовольно поморщился император. – Не надо наказывать этого послушного чиновника. Он сделал всё правильно. Просто твой последний инспектор напугал его больше всех. Сяо так и пишет, что боится его.

– Прости, твой раб не сказал тебе ещё одну важную вещь – это был Ван Ман. Он – очень умный человек, – осторожно подбирая слова, продолжал докладывать главный министр Цзинь Чан. – Ван Ман – достойный брат жены нашего чжуцзы́.

– Да, да, я это знаю, но лучше расскажи, что он узнал, иначе облака лести могут заслонить от нас горизонт правды. Так что он говорит?

– Ван Ман сказал, что молодой сын шаньюя Чжи Чжи прибыл с новыми белокожими рабами. Они собрали много лопат, палок, топоров и других инструментов... ещё взяли несколько десятков мулов. Потом увезли всё это для постройки новой столицы хунну.

– Ты думаешь, это правда?

– Правду знает только Сын неба, твой раб может только догадываться, – уклончиво ответил главный министр Цзинь Чан.

– Может, этот дерзкий кочевник Чжи Чжи задумал напасть на нас?

– Это будет сложно сделать, Премудрый Правитель. В этом случае его брат Хуханье предупредил бы нас заранее. Наши лазутчики уже давно живут в его лагере. И люди за стеной тоже ничего не доносили.

– Но зачем ему новая столица? У хунну никогда не было столиц, – император поднял вверх брови и хмыкнул.

– Чжи Чжи женился на дочери правителя Кангюя. Наверное, он хочет показать, что он важнее всех остальных хунну.

– Тогда для нас это – большая угроза, – нахмурился Юань Ди, и полы его жёлтого халата прошелестели перед лицом главного министра, как крылья птицы. Тот почувствовал лёгкое прикосновение воздуха и, на всякий случай, наклонился ещё ниже, прислушиваясь к доносившимся сверху словам. – Если хунну и Кангюй объединились, то они стали теперь, как «высокие горы и бегущая вода», а это плохо. Хмм... а мы до сих пор ничего не знаем о Кангюе.

– Да, Владыка Неба. Но напасть на империю Хань они не смогут. До нашей стены далеко, и количество воинов у верного тебе Хуханье за стеной в десять раз больше, чем у Чжи Чжи. Они все – твои подданные. С Хуханье у нас

мир. И чтобы дойти до нас, Чжи Чжи придётся столкнуться со своим братом.

– Думаешь, Хуханье будет защищать нас от своего брата?

– Твой раб в этом уверен. Без наших запасов еды он не протянет и неделю.

– Зачем же тогда этому кочевнику строить столицу? – задумчиво спросил император. – Мой отец говорил, что этот Чжи Чжи «прикрывает нож улыбкой». Может быть, он «стучит по траве, чтобы испугать змею»?

– Твой ум велик, правитель! Такое вполне может быть: он приехал, чтобы испугать своего брата и заодно найти тех, кто с ним не согласен. Также он приехал за инструментами, но хотел узнать, что происходит у нас, за стеной. Но твой раб всё-таки осмелится добавить, что Чжи Чжи ещё хочет показать правителю Кангюя и остальным хунну, что у него есть свой город, своя столица, что он – властелин мира, как раньше, хотя это не так, – быстро добавил главный министр.

– Хм-м... Ты мыслишь правильно. Но тогда нам лучше всего было бы применить сейчас «стратагему двух берегов» – послать ему вдогонку армию, чтобы ударить в спину и разбить на месте, пока он один.

– Это очень правильное и сильное решение, которое может принять только великий император...

– Но что? Говори! Я же чувствую, что ты хочешь что-то добавить, – с нетерпением махнул рукой Юань Ди.

– Люди в стране сейчас слишком недовольны налогами.

Хотя везде было объявлено об одной тридцатой доли на уро- жай с земли, чиновники всё равно берут половину, как на- лог. И люди в пяти провинциях начинают жаловаться. Со- брать людей в армию сейчас будет сложно, великий чжуцзы. Невозможного нет, конечно, но время будет упущено.

– Да, ты прав. Вчера доложили о бунте на юге. Налоги на соль там стали очень большими. Надо заново провести экзамены среди чиновников и наказать тех, кто ворует и об- манывает.

– Это – слова настоящего императора! – с восхищением произнёс главный министр. – А в это время можно было бы послать к Чжи Чжи посла. Он на месте увидел бы, что строит этот хунну и зачем ему это надо... а также предложил бы ему торговлю. Надо «поменять щиты и топоры на нефрит и шелка»...

– Прекрасно! – с улыбкой произнёс император. – Пусть это усыпит его бдительность!

– Это – очень мудрая мысль, Владыка Неба. Ты, как все- гда, прав. Если начать войну с хунну, они перекроют нам тор- говый путь в Парфию и дальние страны Азии. Многие купцы пострадают. Сейчас наши люди торгуют с Хуханье и некото- рыми племенами Чжи Чжи. За кусок обыкновенного шёлка нам отдают скот и шкуры стоимостью в несколько золотых монет. К нам идут мулы, ослы, верблюды и лошади самых разных пород. Не говоря уже о стадах волов. Мы меняем ме- ха соболей, сурков, лисиц, барсуков, цветные ковры, яшму,

драгоценные камни и даже кораллы. Всё это пополняет казну императора, товары текут широкой рекой, как великая река Хуанхэ. Это значит, что запасы наших врагов уменьшаются. И в нужный момент им будет тяжелей сражаться, чем нам.

– Ты умён, Цзинь Чан. Ты всё это придумал сам?

– Нет, твоему рабу помогают министры Чжоу и Чжан Мжн. Они знают много языков.

– И кого же ты предлагаешь послать к хунну, к этому опасному Чжи Чжи?

– Благодарю, что ты позволил рабу высказать своё мнение. Твоему рабу кажется, что для этого подойдёт только брат императрицы Ван Ман. От его острого взгляда ничего не укроется. Он сразу всё поймёт и оценит.

– Ван Ман?.. Ну что ж, он очень верный слуга. Надо подумать. Пока можешь идти. Собери завтра всех министров.

– Раб благодарит тебя за твою благосклонность, великий чжуцзы, Посланник Неба и хранитель империи! – пять, главный министр покинул небольшую комнату, чуть не столкнувшись с главным евнухом Ши Сянем, который ждал у выхода своей очереди и тоже хотел что-то сообщить владыке неба. Главный министр увидел в его руках маленький веер и понял, что того прислала жена императора. Он опустил взгляд и, стараясь изобразить на лице приветливое выражение, коротко кивнул своему «заклятому другу», отправившему в народ немало его друзей. Выйдя из дверей, главный министр поспешил покинуть «внутренний двор»,

чтобы поскорее обсудить состоявшийся разговор со своими единомышленниками конфуцианцами.

Увидев на лице вошедшего евнуха настороженное выражение, император Юань Ди усмехнулся. Хорошо, что у того в руках был веер. Значит, его прислала заботливая императрица Ю Ван.

– Тысячелетний властелин, – тонким голосом произнёс Ши Сянь, три раза коснувшись лбом пола. Дерево в этом месте было отполировано до яркого блеска десятками тысяч прикосновений, и, благодаря этому, каждый, кто преклонял колени перед императором, оказывался в небольшом блестящем круге, как на циновке. Не разгибаясь, главный евнух подобострастно продолжил: – великая императрица Ю Ван просит Сына Неба навестить её.

– Не знаешь, зачем? – спросил он, хотя прекрасно знал, что хитрый евнух всё равно не ответит.

– Мысли посланных небом правителей не известны твоему рабу, – осторожно ответил тот, и император с усмешкой покачал головой.

– Да, уж. Только мысли главного министра и цензора ты почему-то узнаёшь раньше других.

– Великий хуашан, прости своего раба! Он последним слышит то, что все говорят во «внутреннем дворце», до него последнего доходят слова тех, кто держит эти мысли в голове. Они просто летают в воздухе. Если ты прикажешь, твой раб зальёт свои уши воском!

– Потом. Не сейчас, – махнул рукой Юань Ди, думая совсем о другом.

– В городе говорят, что все чиновники боятся новых экзаменов по пяти канонам.

– Не надо об этом! Я устал! Все говорят об одном и том же, – лицо императора скривилось в досадной гримасе. – Ладно, иди! Передай императрице, что я сейчас приду, – он отвернулся и подошёл к небольшому столу, на котором лежал доклад губернатора Сяо. Под ним виднелись ещё несколько донесений министров и других чиновников. Обычно их читал главный секретарь дворца, но сегодня пришлось всё отложить из-за разговора с главным министром. Юань Ди всё время думал о том, что отцу было намного тяжелей и успокаивал себя этой мыслью. Тот неожиданно стал императором в семнадцать лет. И был к этому совсем не готов. Но рядом с ним всегда были верные и преданные люди – простой тюремщик Би и евнух Чжан Хэ. Тюремщик Би спас отца от смерти, когда тому был всего год, а евнух Чжан Хэ воспитал и научил всему, что должен знать настоящий император.

Юань Ди вздохнул. Воспоминания были грустными, однако они радовали его больше, чем мысли о судьбе империи. Ему было уже двадцать шесть, прошёл год после смерти отца, а он никак не мог привыкнуть к новой жизни во дворце и тяготился её ритуалами.

В раскрытые двери зала виднелся коридор. Там сквозь

высокие окна лился на стены яркий солнечный свет. Здесь, в зале для приёмов, окна были слишком высоко, поэтому свет рассеивался и не казался таким ярким, как там. Дождь за окном неожиданно закончился, и у него сразу поднялось настроение. Вечер можно будет провести с любимыми наложницами Фу и Фэн... А пока его тянуло к свету. Поэтому император некоторое время стоял у окна, наслаждаясь приятным теплом и красотой садов внутреннего двора. Когда он ушёл, два стражника встали с коленей и снова заняли свои места у входа. Лежавший за дверями на полу раб-уборщик почувствовал их движение и тоже осторожно встал. Затем прошёл в зал и затушил все светильники. Дым тонкими струйками стал подниматься к потолку, извиваясь в лучах солнца, как пронзённый копьём дракон. В это время другие драконы, золотые, медленно покачивались на жёлтом халате императора, приближаясь к женской половине дворца.

Императрица Ю Ван считалась очень красивой девушкой не только в своём богатом роду. Она ещё в детстве привлекала взгляды мужчин, посещавших дом её отца, которые сравнивали её с девушками других родов и приходили к выводу, что Ю Ван всё равно лучше всех. Именно за это её и выбрали в жёны самому Посланнику Неба. Однако помимо красоты, она обладала исключительным умом и проницательностью, которые вместе с образованностью сделали её незаменимым советником и другом. И хотя она чувствовала, что импера-

тор любил её не так страстно, как своих наложниц Фу и Фэн, в постели он всё равно проводил с ней больше времени, чем с ними. Но Юань Ди был этому рад. Потому что наложницы не любили слушать его тревоги и волнения, требуя только развлечений, а жена, наоборот, терпеливо выслушивала, жалея его, чем постепенно снимала внутреннее напряжение, в котором его слабая и добрая душа не могла долго находиться. А те блестящие советы, которые она давала ему под конец беседы, приводили императора в такой восторг, что он с радостью поддавался её нежным ласкам и никогда не жалел о времени, проведённом вместе. Она была его самым преданным другом, с которым приятно было поговорить и отвлечься от проблем... два-три раза в неделю.

На этот раз Ю Ван тоже не обманула его ожидания и предложила сначала отправить посла к безвольному Хуханье, а потом к строптивому Чжи Чжи. Если два брата почему-то встретились, значит, они уже готовы были терпеть друг друга. А для империи Хань это было опасно. К тому же, никто так и не узнал, зачем хитрому Чжи Чжи понадобилось такое количество строительного инструмента. О его новых рабах из Парфии ходили самые странные слухи. Поэтому новый посол должен был сначала узнать всё у преданного Хуханье, а потом – у его брата Чжи Чи. Чтобы усыпить бдительность хитрого Хуханье, она предложила подарить ему пять самых красивых девушек империи. Это был знак уважения и признания заслуг. А его заносчивому брату посол дол-

жен был предложить самые выгодные условия торговли. Цену за скот, шкуры и шерсть она предлагала увеличить вдвое, чтобы у Чжи Чжи сложилось впечатление о желании императора задобрить его. Что, на самом деле, было недалеко от истины, потому что им надо было выиграть время. Пока посол будет посещать оба лагеря хунну и отвлекать их внимание, императору надо будет отправить послов к усуням и сообщить им о том, что Чжи Чжи готовится на них напасть. Больше ничего обещать им не надо. Это племя и так всегда было готово воевать с хунну за территории между большой пустыней и горами на севере. Им тоже негде было пасти свои стада. Если усунь смогут напасть на хунну и победить Чжи Чжи, то потом на эти земли можно будет вернуть его брата, Хуханье, удалив этих многочисленных и опасных кочевников подальше от Великой Стены.

Император был приятно удивлён таким совпадением взглядов своей жены и главного министра. Он с радостью согласился отправить её брата Ван Мана к хунну в качестве посла и решил, что в этот вечер больше не будет думать о проблемах за границами его империи.

Однако поездка брата императрицы к двум вождям племён хунну оказалась не такой спокойной и безмятежной, как предполагала Ю Ван. Эти действия привели совсем не к тем результатам, которые они ожидали, и ещё больше осложнили положение внутри императорского двора, заставив само-

го императора Юань Ди сосредоточиться на скрытой борьбе за его влияние внутри страны. Что, впрочем, ему не всегда удавалось.

ГЛАВА IX. МЫСЛИ О ПОБЕГЕ

Очередной день закончился для Лация так же спокойно, как и все предыдущие. Тихое дуновение ветра со стороны холмистой равнины, за которой, по словам хунну, располагалась большая пустыня, было уже не таким тёплым, как раньше. Дни становились прохладнее, хотя ночью ещё можно было спать под открытым небом и не кутаться в шкуры, но приближение осени чувствовалось во всём: хунну пригоняли свои стада поближе к стоянке, женщины валяли шерсть и делали из неё войлок, укладывая вторым и третьим слоем поверх шестов; невысокие травы в степи и предгорьях пожелтели и перестали пахнуть приятными ароматами; рыбы в поймах стало меньше, и солнце садилось теперь за вторую вершину горы, а не за первую, как летом, и, к тому же, быстрее.

В этот день римляне, как всегда, устало вернулись к палаткам-гэрам своих хозяев. Атиллу встречали Саэт и крики малышей, а Лация – Павел Домициан, который научился валять шерсть и этим всё лето отрабатывал своё проживание в жилище лули-князя. Услышав шум у входа, он, кряхтя, вышел им навстречу и стал расспрашивать, как прошёл день. Но рассказывать было нечего, и они вскоре замолчали, каждый устало думая о своём.

– Может, пойдём посидим на камне? – неожиданно пред-

ложил Павел Домициан. – Внутри так душно. А у меня есть лепёшка. Саэт дала... днём. Я не успел съесть, – соврал он, и Лаций сразу догадался, что слепой певец хочет поговорить. Тому редко доставалось много пищи, и он уже давно не ел вдоволь. Только вечером друзья делились с ним своей едой и ещё на праздники приносили куски мяса. Но это было редко.

Выйдя из гэра, они отошли подальше к реке, где молча опустились на широкий тёплый камень, вытянув ноги и жуя сухой хлеб.

– Строить ещё долго, – наконец, произнёс Лаций. – На склады уйдут месяца два. До зимы, может, и успеем. На стены, ров и заграждения – год, не меньше. Потом надо будет дом для Чжи Чжи делать. Много работы. Людей мало... – он устало откинулся спиной назад и зажмурился. Тепло медленно проходило сквозь длинную шерстяную рубашку и приятно нежило кожу.

– Я понимаю, – вздохнул Павел Домициан. – Но ты же не об этом думаешь, – он замолчал, глядя вдаль своими белёсыми глазами.

– Не об этом.

– Вот видишь! И я – тоже. Прости, что в Парфии не поддержал тебя. Но здесь я умираю. Больше не хочу тут оставаться! Не хочу! – неожиданно с искренней болью в голосе произнёс Павел. – Я здесь за год всего два раза пел. Всего два раза! Скоро совсем вши заедят, и дым горло прожжёт. Не мо-

гу, когда они свои костры внутри разжигают. Горло першит, нос забивает... Умру я тут... – еле слышно закончил он.

– Мы давно не приносили дары нашим богам, – не зная, как утешить друга, ответил Лаций.

– Боги забыли нас!

– Не знаю... Как отсюда вырваться? Лошадей нет. Дороги мы не знаем. А без лошадей и проводника никуда не уедем. Я строю с утра до вечера. И тоже терплю. Ведь даже если лошади будут, куда поскачем?

– Куда угодно, – с отчаянием произнёс слепой певец. – Лишь бы вырваться отсюда. Не поверишь, я готов на всё... я чувствую себя, как связанный.

– Поверю, почему не поверю? Сам такой.

– И ещё у меня стали болеть зубы. Саэт приносила раньше какую-то траву и варила по вечерам. А сейчас её к волам отправили. Я с детьми сижу, ты видел, на верёвке их держу, чтобы не отползали. И никаких трав теперь нет.

– Потерпи немного, – сочувственно произнёс Лаций. – Завтра Атиллу отправим за травами и ветками. Ещё служанок Тай Сина спрошу. Они ко мне хорошо относятся. Может, что-то подскажут. Потерпи, прошу тебя. Не знаю, но сердце подсказывает мне, что скоро всё изменится, – он старался вложить в эти слова как можно больше теплоты и искренности, чтобы Павел Домициан поверил ему, но сам Лаций не верил ни единому своему слову. Нет, он не отчаялся, но надежда в его душе по-прежнему оставалась запертой

внутри толстых стен безысходности, которые с каждым днём становились всё неприступнее. – Пой для детей, может, это поможет?

Они снова замолчали. Со стороны лагеря слышался обычный шум: хунну ели, пили и кричали, обсуждая одну единственную тему – свои стада. С разных сторон доносились хлопающие, ухающие и скрипящие звуки, что-то шлёпало, трещало и падало – после захода солнца шум в большом кочевье обычно затихал не сразу, а когда сытые мужчины, наконец, добирались до женской половины и бросали остаток сил на продолжение рода. Эти звуки были уже другими и нередко сопровождались ссорами. Обычно это происходило, когда муж выбирал не жену, а рабыню. В тёплые ночи хунну занимались любовными играми не только внутри жилищ, но и снаружи, прямо под открытым небом, возле гэров или чуть дальше, рядом со своими стадами. Лаций много раз ловил на себе любопытные взгляды рабынь Тай Сина, но даже молодость их лиц и страсть в глазах не вызывали в нём приятного желания женского тела. Почти все женщины хунну были низкорослые и ширококостные. У них были крепкие плечи и бёдра, а талия полностью отсутствовала. Короткие и мускулистые ноги ничем не отличались от мужских, а руки, тёмные и иногда даже волосатые, с сухими, мозолистыми ладонями и широкими, натруженными костяшками пальцев, не вызывали никакого желания. Но неприятней всего были тоненькие, в юности похожие на пух, усики над

верхней губой, которые со временем превращались в редкие усы. Расцветая к двенадцати – четырнадцати годам, девушки хунну сразу же выходили замуж за тех мужчин, которых заранее выбирали для них родители, и уже через два-три года превращались в единообразных безликих существ, которые наравне с волами и мулами таскали грузы, быстро старея и умирая от многочисленных и неизвестных болезней.

Лаций вздохнул и закрыл глаза. Тепло камня приятно грело спину, голод ненадолго отступил, и ему хотелось ещё немного побыть в этом странном состоянии нежного одиночества. Вдали слышались крики выходящих на охоту ночных животных и шуршанье травы. Вдруг издалека донеслись тихие равномерные удары, как будто кто-то стучал палкой по земле. Лаций не обратил на это внимания, но Павел Домициан неожиданно привстал и позвал его:

– Ты слышишь? – тревожно спросил слепой певец.

– Что? – нахмурился он, но всё-таки оторвал от камня голову, повернувшись в его сторону.

– Ты слышишь стук копыт?

– Копыт? – переспросил Лаций и прислушался. – Ты думаешь, это лошади? – наконец, спросил он через некоторое время.

– Конечно, лошади! Кто-то скачет. Сюда. Надо быть осторожным. Это могут быть плохие люди.

– Кажется, их немного... – пробормотал Лаций.

– Да, ты прав, – взволнованно согласился Павел Домици-

ан. – Думаю, не больше десятка.

– Ночью они не нападают. Так что это не враги. Скорей всего, свои, из этого племени. Другие обычно не рискуют. Ночью здесь никто не воет.

– Ты говоришь уверенно. Но я всё равно боюсь, – вздохнул слепой певец. – Пойдём лучше к гэрэм. Там спокойней.

– Нет, стой! Отсюда будет лучше видно. Луна светит ярко. Скоро они покажутся у реки. Так что мы первые всё увидим.

– Это ты всё увидишь, – недовольно произнёс Павел. – А я только услышу.

– Я тебе всё расскажу. Только сиди тихо. И молчи. Смотри, вон они! – взволнованным шёпотом добавил он, увидев у реки десяток силуэтов всадников на лошадях.

– Куда смотри? Это ты говори! – возмущённо прошептал Павел. – Ну же! Говори, говори, – схватив его за руку, потребовал слепой певец. Но Лаций вынужден был какое-то время молчать, потому что говорить было не о чем – всадники переходили реку вброд, и на фоне отблесков в воде он видел пока только неясные очертания. Ему удалось сосчитать их. Всадников было двенадцать. Когда они поднялись на берег, от камня их отделяло не более двадцати шагов. Но даже на таком расстоянии Лацию не удалось ничего увидеть. Когда они проехали, он с сожалением прошептал:

– Кажется, у них острые шапки с разрезами для ушей, как у рыжих варваров.

– И всё? А почему не было звона мечей и ножей? Ты

слышал, как тяжело храпели лошади? Долго скакали... Они большие или маленькие?..

– Хм-м, ты слышишь лучше, чем я вижу, – вынужден был признаться Лаций. – Зачем тогда спрашиваешь, если я не могу ответить? Пошли в лагерь. Здесь уже становится холодно.

– Пойдём. Помнишь, Саэт говорила, что вчера один буйвол подвернул ногу? Может, его убили и сегодня будет мясо... – с надеждой произнёс Павел Домициан.

– Ну и что? Нам всё равно достанется только запах, – раздражённо пробурчал Лаций, чувствуя, как голод снова начинает скручивать пустой желудок. Однако спокойно поесть и поспать ему так и не пришлось.

Ещё на подходе к гэру Тай Сина он увидел, что у входа толпится много хунну. По интонации и некоторым словам стало ясно, что они говорили о всадниках у реки. Сам Тай Син стоял у коня и что-то объяснял склонившемуся в поклоне слуге. Это был кутлуг Ногусэ.

– Кажется, они собираются куда-то уезжать, – негромко произнёс Павел Домициан.

– Почему? – спросил Лаций.

– Главный Тай Син говорит, чтобы позвали его сына и приготовили свежих лошадей. Это неспроста.

Внутри гэра никто ничего не знал. Саэт не успела ещё поговорить со служанками и жёнами лули-князя, а Атилла тоже ничего толком не мог объяснить. Он только разводил руками в стороны и повторял одно и то же:

– Как муравьи прибежали сюда... как муравьи. Бегают, бегают все... как муравьи...

Долгое время ничего не менялось, хунну входили и выходили из гэра, громко спрашивали друг друга о своих стадах, здоровье лошадей и оленей, о том, сколько волов болят и у кого есть новые верблюды, но за всем этим чувствовались внутреннее напряжение и ожидание чего-то неизвестного. Вскоре к гэру подъехал молодой, сын лули-князя. Его отец приехал чуть позже. Слуги стали собирать вещи хозяина, готовить лошадей, выносить походный войлок, а Лацию приказали пройти к лули-князю, на его половину. Услужливый кутлуг Ногусэ отодвинул перед ним шкуру, служившую стеной, и с кислой улыбкой кивнул в сторону видневшегося в глубине небольшого костра. Лаций осторожно зашёл, не зная, чего ожидать, но бояться, как оказалось, было нечего. Прискакавшие ночью всадники были посланы Хуханье, чтобы известить своего брата о том, что к нему направляется посол императора Юань Ди. Однако среди прискакавших были несколько человек из других племён кочевников, которые сообщили Чжи Чжи, что перед этим ещё один посол был послан к самому Хуханье и сейчас находится у того в кочевье. Этот посол задержался у его брата, и вместо него отправили другого.

Решение было принято быстро: вождь хунну решил послать навстречу послу своего помощника Тай Сина с сыном, чтобы тем самым оказать достойное внимание послу импе-

ратора. При этом он приказал ему взять с собой двадцать белых рабов-римлян, чтобы удивить чиновника империи Хань. Для этого их надо было срочно побрить и одеть в светлые одежды. Правителю хунну хотелось, чтобы римляне резко выделялись на фоне его тёмных всадников. Чжи Чжи помнил, как удивили его в Парфии бритые головы и лица белокожих рабов. Так как он сам любил производить впечатление на окружающих, то решил использовать римлян для этого ещё раз. Среди отобранных на скорую руку двадцати человек оказался и несчастный Павел Домициан, который не сопротивлялся и только изредка крутил головой из стороны в сторону, прислушиваясь к разговорам кочевников. К утру всё было готово, и сто всадников хунну вместе с двадцатью рабами выдвинулись на восток, навстречу послу императора Юань Ди.

Сам Чжи Чжи остался на стоянке, в хурээ. Он хотел побольше узнать у приехавших кочевников о своём брате Хуханье. То, что он услышал, неприятно удивило его и даже рассердило. Оказалось, что к нему ехал «простой» посол. Это был молодой сын какого-то губернатора. А у Хуханье в это время гостил сам брат императрицы, который привёз ему богатый подарок от императора – пять самых красивых девушек империи Хань! Это был намёк на здоровое продолжение рода и единение с народом империи. Значит, брата-предателя ценили выше, чем его! Но когда Чжи Чжи об этом узнал, Тай Син со своими людьми был уже далеко. Поэтому вождь

хунну решил дожидаться их возвращения и уже на месте принять решение, как ответить ханьскому императору.

Шаньюй не знал, что брат императрицы, оказавшись в становище Хуханье у стен Великой Стены, столкнулся с непредвиденными трудностями. Проницательный Ван Ман сразу заметил, что хунну здесь стало значительно больше, чем раньше думали во «внутреннем дворе» императора. Повсюду попадались дети и подростки – в гэрах, между ними, рядом со стадами, на лошадях и у реки. Их было очень много! Хунну становились опасны, потому что жили только за счёт помощи империи Хань и многие из князей и вождей стали роптать. Сначала с ним тайно договорился о встрече один вождь, потом – другой. И всех волновали одни и те же вопросы: отношение императора к Хуханье. Этот народ определённо не мог жить в мире и мечтал о войне и захватнических набегах. Но чтобы разобраться с внутренними противоречиями в этом лагере хунну, брату императрицы надо было время. Поэтому он и отправил императору срочный доклад с просьбой выслать Чжи Чжи второго посла. Таким образом он решил важную государственную задачу и чудом избежал больших неприятностей, которые сулила ему встреча с шаньюем Чжи Чжи.

ГЛАВА X. СПАСЕНИЕ ТОНУЩЕГО СЫНА ТАЙ СИНА

Лаций кутался в большую широкую накидку, которая постоянно сползала и не давала согреться. Каждый раз, когда приходилось заново оборачивать её вокруг плеч и зажимать локтями, ветер задувал снизу, вызывая озноб. Щёки горели от царапин и раздражения, но больше всего страдала бритая голова. Тёплая шапка была маленькой и постоянно падала на землю. В такие моменты казалось, что кожа на голове покрывается ледяной коркой, и он спешил побыстрее натянуть затвердевший кусок шкуры на затылок, чтобы не простудиться. У Павла Домициана, наоборот, шапка оказалась больше, чем голова, и он шёл, не поправляя её, как странное безголовое существо, держась за одну единственную повозку, в которой лежали вещи великого князя Тай Сина и войлок для его походного гэра.

К вечеру они остановились у небольшого холма, свернув с дороги немного в сторону. Рядом начинались заросли редкого кустарника и невысоких деревьев. Огонь хунну перевозили с собой в нескольких больших корзинах. За ним постоянно следили, чтобы он не потух. Поэтому костры развели быстро. Но больше римлянам ничем не помогли. Надеяться оставалось только на себя. Всё, что они взяли с собой,

должно было помочь им пережить холодную ночь. Лаций несколько раз пытался прилечь поближе к огню, но не мог заснуть, потому что холод проникал под одежду и накидку со всех сторон. Хунну также везли с собой скатанные войлочные подстилки, на которых ложились спать по пять-шесть человек. Но у римлян их не было. Лаций попытался принести несколько камней, но они были слишком маленькими и быстро остывали, когда он вынимал их из костра.

– Не могу больше лежать. Совсем замёрзну, – стуча зубами, пожаловался ему Павел Домициан, когда он, устав ходить вокруг костра, присел рядом.

– Двигайся ближе к костру. Я посижу рядом. Посмотрю за накидкой, – стуча зубами, предложил Лаций. Он обвёл глазами остальных товарищей, которые спали сидя, прижавшись друг к другу спинами. У него так не получалось. Холод был сильнее. Он уложил Павла на ветки сухого кустарника, а сам пристроился рядом. – Спи, я пока буду смотреть за огнём! – сказал он и обречённо вздохнул. Надо было попросить у Саэт или слуг что-нибудь потеплее, но он не успел. Теперь оставалось следить за тем, чтобы костёр не погас, пока будет спать Павел Домициан. Будить его он не собирался. Какая от слепого помощь? В душе Лаций надеялся, что он всё же согреется и немного поспит до наступления утра. Перед самым рассветом он действительно провалился в тяжёлый сон, прислонившись спиной к слепому певцу. Но сон этот был недолгим. Хунну проснулись с рассветом и, быстро собрав

гэр Тай Сина, продолжили движение на восток.

Когда они, наконец, встретили императорского посла, сопровождавших его всадников и несколько десятков хунну из других племён, голова у Лация была тяжёлой и тело еле слушалось, не желая двигаться ни вперёд, ни назад. Он даже не стал рассматривать новых людей, а просто повалился на землю и заснул, пока Тай Син, соблюдая традиции вежливости, общался с послом императора. Но этот привал тоже был недолгим, и, когда их беседа закончилась, римлян подняли с земли и быстро расставили с двух сторон повозки, чтобы удивить и произвести впечатление на посла. Тот несколько раз с любопытством выглядывал из-под войлочной накидки и, видимо, действительно был удивлён их внешним видом. Лаций заметил только молодое широкое лицо с надломленными бровями и узкими щелочками век, под которыми тревожно бегали маленькие чёрные глаза. Этот странный человек смотрел на них, плотно сжав губы, и поэтому казалось, что у него совсем нет рта. Оттопыренные уши только усиливали впечатление нелепости, которое производил трясущийся на затылке узел волос в позолоченной коробочке, проткнутой короткой палочкой. Судя по коже и живому взгляду, посол был молодым человеком, но вскоре дорога стала круче и Лаций перестал наблюдать за носилками, стараясь удержаться на ногах и не споткнуться о камни. Позади римлян ехал сын Тай Сина. Он был доволен произведённым на посла впечатлением. Его более мудрый и опыт-

ный отец следовал сзади, и его лицо, наоборот, оставалось непроницаемо спокойным и суровым, как будто его ничего не волновало.

Вторую ночь римляне и хунну тоже провели у костров, но на этот раз Лаций решился на отчаянный поступок. Он дождался, когда все заснут, и после этого прокрался к лошадям. Там он забрался на одну из них, и, обхватив удивлённое животное за шею, постарался заснуть. Сон прерывался несколько раз, потому что, расслабляясь, его большое тело постепенно сползало на землю. Но к утру он всё равно чувствовал себя намного лучше, чем остальные римляне, многие из которых, судя по хриплым голосам и кашлю, всё-таки простудились. Обратный путь к стойбищу продолжался под нудный скрип колёс и негромкий топот копыт.

Небо было серым и хмурым, как будто богам не нравилось то, что происходило на земле. Эта мысль пришла Лацию в голову, когда из-за поворота вдруг неожиданно показалась река. Хунну радостно закричали, показывая вдаль, где должно было находиться стойбище, но императорские всадники и посол ничего не ответили. Они проехали вперёд, а несколько десятков хунну вместе с молодым и горячим Модэ Сином поскакали на высокий крутой берег, с которого хорошо была видна холмистая местность на противоположной стороне.

Дорога постепенно приближалась к реке, и до поворота, где вокруг торчащих из воды камней пенились буруны холодной чёрной воды, оставалось проехать не более пятисот

шагов. Дальше она уходила в сторону и вела прямо к броду, до которого было ещё три тысячи шагов. Лаций устало плёл-ся почти в самом конце колонны, тупо уставившись на стремительно несущийся чёрный поток. Немигающим взглядом он смотрел, как вода на полном ходу врежется в камни, кру-тится перед ними, образуя небольшие водовороты, пенится и брызжет в разные стороны, чтобы потом белой струёй спо-койно продолжить свой путь за спиной грозных каменных воинов. Неожиданно сзади раздался чей-то крик. Он прозвучал не очень громко, потому что ветер дул в лицо, и звук от-носило назад. Лаций обернулся и посмотрел вдаль. Там, куда поскакали хунну с молодым Модэ Сином, явно что-то про-изошло. Несколько всадников крутились на лошадях на ме-сте, другие соскочили на землю и стояли у самого края, кто-то махал руками и кричал в их сторону, но на таком рассто-янии ничего не было слышно.

– Эй! – окликнул Лаций одного из хунну. – Там кричат! – он ткнул рукой назад. Сначала кочевник ничего не понял, но потом стукнул лошадь пятками и поскакал вперёд, к лу-ли-князю. Вся процессия сразу остановилась, и хунну устре-мились к обрыву. То, что они увидели, заставило их сердца похолодеть от ужаса. Вскоре это увидели и римляне. Внизу, в ледяной воде барахтались несколько человек и лошадей. Один из несчастных сумел схватиться за гриву и теперь от-чаянно старался направить лошадь к отвесным скалам у бе-рега. Но всё было тщетно. Животное двигалось вперёд по те-

чению, которое несло их прямо на камни. Оказавшиеся в воде люди беспомощно махали руками и тоже ничего не могли сделать. Сначала один, захлебнувшись, ушёл под воду, затем другой, третий и так почти все, кроме одного, который продолжал держаться за гриву и не сдавался. Лаций видел, что четверо оставшихся лошадей неминуемо погибнут, затянутые в водоворот под камнями. Но этот последний мог бы ещё выжить, если бы отпустил гриву... В том месте, куда его несло течение, камни были более покатые и без острых краёв.

Стоявшие перед ним хунну что-то кричали друг другу, но Лаций их не слышал. Он с непонятным внутренним удивлением наблюдал за собой, как будто боги вдруг разделили его на две части, и теперь одна половина тела, способная думать, наблюдала за другой, не думающей, со стороны и не понимала, что происходит. Он сбросил свою толстую накидку, стянул через голову длинную рубашку и быстро стащил сапоги с тёплым мехом, которые ещё полгода назад достались ему от умершего хозяина соседнего гэра. Вместе с рубашкой на землю упал и медальон на тонком кожаном ремешке. Но времени поднимать его уже не было. Через несколько мгновений Лаций стоял у самого края обрыва. Когда он прыгнул вниз, над его головой раздался полный отчаяния и горя крик старого лули-князя:

– Мо-о-дэ-э-э! – он звал своего сына, надеясь на чудо и понимая, что чуда не будет и тот скоро погибнет прямо у него на глазах, а он ничего не сможет с этим поделать. Последней

головой над водой была голова его сына...

Резкий холод сковал всё тело, пронзив его тысячами ледяных стрел. Лацию показалось, что он не сможет даже пошевелиться, не то что плыть в этой воде. Ощущение было такое, как будто в кожу на спине и затылке впились огромные острые шипы и живот вжался до самого позвоночника, выдавливая из груди воздух. Его передёрнуло, и пробежавшая по телу дрожь заставила выпрямиться скрючившиеся руки и ноги. Надо было срочно двигаться. Он сделал первый гребок, затем — второй, третий, пока не почувствовал, что выплыл на поверхность и может дышать.

Когда над водой показалась отливающая синевой блестящая лысина белокожего раба, старый Тай Син почувствовал, как его сердце остановилось и в груди перехватило дыхание. Он сделал шаг вперёд и коснулся носком сапога одежды Лация. Колени предательски дрожали, и он решил не шевелиться, чтобы не упасть на землю от слабости. Заметив кожаный ремешок, он поднял его с земли, посмотрел на медальон и крепко сжал в руке. Лули-князь смотрел вперёд и ждал. Никто не знал, что в душе он поклялся принести богам самую большую жертву, если они помогут этому рабу спасти его сына. Вот римлянин подплыл к лошади и стал отрывать пальцы его сына от гривы. До берега доносились отрывистые возгласы. Этот странный раб что-то кричал, но Модэ не шевелился и не хотел отпускать лошадь. Потом бедное животное, не выдержав висевших на нём двух людей, мотну-

ло головой в последний раз и погрузилось под воду. Вместе с ним исчезли и две других головы – его сына и раба-римлянина. Однако лошадь вскоре вынырнула, и её понесло дальше на камни, а людей видно не было. На берегу все замолчали. Какое-то время никто не шевелился. Тай Син выдохнул и опустил плеть. Все смотрели только на него. Казалось, лицо старого лули-князя превратилось в камень. И вдруг густые брови взметнулись вверх, глаза вспыхнули, и из горла раздался дикий крик. Все хунну вздрогнули от неожиданности и повернулись в ту сторону, куда показывала его плётка. У крайнего камня в воде были видны две головы – одна с чёрными волосами, а другая – сине-серая и без волос. Это были раб и его сын! До них было совсем близко. В воду сразу же полетели длинные верёвки с петлями. Когда тела вытащили на берег, юный Модэ Син был без сознания. Казалось, он не дышал. Но голый раб сложил его пополам, положил на колени и стал давить руками на спину. При помощи других своих товарищей он вернул ему жизнь. Оба выплывших так сильно дрожали, что их дрожь передалась даже помогавшим им людям. Те тоже жались и кутались в накидки. Старый Тай Син с трудом сдерживался, чтобы не кинуться к рабу и не обнять его вместе с сыном. Но он смотрел на дрожащего римлянина и видел только знак на его плече – такой же, как на круглом медальоне. Тот никак не мог натянуть на себя длинную рубашку, стучал зубами и что-то говорил другим рабам, но его не понимали. Лули-князь подошёл к нему

и молча протянул медальон. Он сдержался и никак не проявил свои чувства. А затем хриплым, срывающимся голосом приказал замотать обоих в шерстяные верблюжьи накидки и уложить в повозку под куски войлока. Когда вся процессия добралась до стоянки, Лаций и сын лули-князя спали, не зная, что происходит вокруг. Тем временем, Тай Син приказал своему слуге сделать на куске шкуры такой же рисунок, какой был на плече у римлянина и нанести его на плечо сына. Но ни Лаций, ни Модэ этого уже не слышали. Как не слышали они и радостного пения слепого Павла Домициана, который так вдохновился поступком своего друга, что стал сочинять песни о нём прямо на ходу. Всадники улыбались, видя его восторг, и не прерывали. Единственным человеком, которому не уделили внимания в этой ситуации и который частично лишился необходимого уважения в результате непредвиденного события, был посол императора. Он ждал, что ему расскажут обо всём отдельно и окажут знаки внимания в связи с тем, что они вынуждены были остановиться в пути. Но никто этого не сделал. Поэтому настроение у посла стало постепенно портиться. Зато хорошим оно было у встречавших эту процессию римлян. Они издали услышали голос своего певца, и, когда кочевники переправились вброд возле недостроенных деревянных терм, все, кто мог, уже стояли вдоль берега, пересказывая друг другу слова новой песни Павла Домициана.

Возле становища горели многочисленные костры. В нозд-

ри ударил запах жареного мяса, и хунну сразу прибавили ход. Тай Син понял, что к приезду посла стали готовиться заранее и, скорей всего, сегодня вечером будет большой праздник. Всадники промчались прямо в центр кочевья мимо рабов-римлян и целой толпы детей, где лули-князь, не слезая с коня, приказал перенести Лация и своего сына в тёплый гэр, обтереть горячим жиром и снова закутать в шерстяные одеяла. Сам он отправился вслед за послом шаньюю Чжи Чжи, который с нетерпением ждал их прибытия.

ГЛАВА XI. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ И НАГРАДА

Нежное, обволакивающее тепло приятно ласкало кожу. Всё вокруг казалось мягким и уютным, как тёплый пух. Рядом проплывали длинные тени, за ними шли люди, они говорили с ним на непонятном языке и исчезали. Но Лаций не собирался рассматривать этих странных посетителей снов. Он наслаждался. Ему давно не было так хорошо. Давно...

Это слово, как птица, впорхнуло в голову, взмахнуло крыльями в памяти и замерло, превратившись в камень, огромный и тяжёлый, который вдруг с грохотом рухнул вниз, в закоулки души, подняв вверх из глубины забвения старые воспоминания и реальность. Тепло и нега грубой ткани не пропали, но всё тело сжалось, вокруг появился свет и сон как рукой сняло. Он медленно отодвинул с глаз край накидки и прищурился. Это был гэр. Большой. Посередине горел костёр. Возле него сидела женщина. Похоже, очень старая. Она заслоняла собой пламя, поэтому он не видел, что она делает. В шаге от него высилась гора накидок из верблюжьей шерсти. Под ними кто-то тяжело дышал. И тут к Лацию вернулась память. Он сжался в комок и задрожал, ощутив всем телом холод чёрной воды, поджал ноги к груди и попытался закрыть глаза. Но прежнего удовольствия уже не было. Глаза

больше не закрывались, и он решил встать. Старуха, услышав позади себя шум, обернулась и покачала головой. Он не понимал, что это значило, но она махнула рукой, как бы толкая его в грудь, и Лаций откинулся обратно. Тем временем женщина принесла котелок с чашками и налила в них жидкость из котла. В ноздри ударил запах мясного бульона. Лаций невольно расплылся в улыбке.

– На! Держи! – просипела старуха беззубым ртом. Он поднёс чашку к губам и с огромным удовольствием сделал несколько маленьких глотков, стараясь перед этим остужать кипяток между языком и нёбом, как делали это хунну. Бульон во рту булькал и урчал, а потом медленно опускался в горло. Вкус был невероятный. В этот момент рядом зашевелилась гора одеял, и оттуда показалась взлохмаченная голова Модэ Сина. Он долго тёр кулаками свои узкие глаза, думая, что сидящий рядом с ним раб с чашкой бульона в руке – это либо продолжение сна, либо что-то ещё более страшное. Увидев старуху, он прекратил тереть глаза и замер.

– Фазира? – с удивлением спросил он.

– Да, мой малыш, – с искренней нежностью произнесла она. Это была его кормилица и служанка. Радостно растянув рот в беззубой улыбке, старая женщина подала ему вторую чашку, и Модэ с жадностью стал пить бульон, обжигая губы и тихо ругаясь на горячую жидкость.

– Почему у меня так болит плечо? – с удивлением спросил он и посмотрел на руку. Там были видны следы тонких по-

резов – три круга соединялись краями, как у раба, который сидел рядом. – Кто это сделал? – недовольно спросил он.

– Твой отец, – тихо ответила Фазира.

– Зачем? – спросил он, но его вопрос остался без ответа.

– Ты пей, пей. Не торопись, у меня ещё много тут, – повторяла ему раз за разом кормилица, снисходительно улыбаясь. Выпив две чашки, молодой хунну откинулся на войлок и посмотрел на Лация.

– Это был ты? – хриплым голосом спросил он.

– Да, – кивнул Лаций.

– Моя лошадь погибла?

– Да.

– Но ты мог её вытащить?

– Нет.

– Хм-м... Тогда зачем ты вытащил меня? Зачем? – с искренним непониманием спросил Модэ, для которого жизнь его лошади была так же ценна, как и его собственная.

– Ты хочешь вернуться за ней обратно? – пожав плечами, ответил вопросом на вопрос Лаций, потому что сам не знал, зачем прыгнул в воду и спас молодого хунну.

– Нет, не хочу! – резко мотнул головой Модэ Син. – Ты бил меня по рукам! И тащил за волосы! – он схватился за голову и вскрикнул. – Мне больно! Он дёргал меня за волосы! – крикнул он кормилице, прижимая ладони к волосам. Его рот перекосялся от боли, и в глазах вспыхнуло искреннее возмущение. Старуха махнула рукой и отвернулась, как бы

говоря, что даже не хочет слушать, и когда тот возмущённо хотел что-то добавить, шкура на входе вдруг резко отлетела в сторону и внутрь вошёл его отец. Тай Сину было достаточно одного взгляда на сына и раба, чтобы всё понять. Лаций тоже заметил, как в глазах старого лули-князя промелькнуло отеческое выражение заботы и радости, но это длилось всего мгновение, но потом его взгляд снова стал жёстким и суровым, как раньше.

– Я дала им только жидкий навар, – произнесла служанка, увидев в его взгляде вопрос.

– Хорошо, – кивнул тот и сел на невысокий стул, сделанный из соснового пня. Сверху он был оббит войлоком и выцветшей тканью. – Ты! – кивнул он Лацию, и тот провёл языком по нёбу, чувствуя, что после бульона хочет пить. Но сейчас надо было выслушать лули-князя. Хунну были непредсказуемы в своих поступках, и он не раз имел возможность убедиться в их необоснованной жестокости, как, впрочем, необузданной щедрости и неограниченной расточительности в моменты радости и побед.

– Да? – осторожно спросил Лаций.

– Ты спас моего сына. Он жив.

– Да, – снова повторил он.

– Ты можешь взять своего друга, его женщину и слепого певца. У тебя будет свой гэр. Там, за гэром кутлуга Ногусэ. Тебе покажут. Эти двое, муж и жена, будут твоими слугами. А ты будешь служить мне и шаньюю. Понял?

– А слепой певец? – поинтересовался Лаций.

– Слепой? Можешь выгнать или отдать другим рабам. Хотя... он хорошо пел, – смягчился лули-князь. – Делай, что хочешь. Это – мешок костей. Он никому не нужен.

– Э-э... – не веря своим ушам, протянул Лаций, собираясь с мыслями и чувствуя, как по телу пробежала волна приятного тепла и слабости.

– Что? Ты хочешь что-то ещё? – по-своему истолковал его звук Тай Син. И Лаций почувствовав это, решился попросить то, о чём мечтал уже больше года.

– Благодарю тебя, мудрый вождь, – с благодарностью произнёс он. – Можно мне ещё попросить нож? Любой нож... Понимаешь... без ножа очень трудно, – с мольбой в голосе добавил он, поражаясь в душе, как унижительно и жалко ведёт себя перед варваром и как его голос сам подстраивается под нужное поведение, пренебрегая гордостью и уважением, которые сопротивлялись этому предательству в глубине души.

– Нож? – с удивлением переспросил старый князь и даже выпрямился в спине. Он хорошо помнил, как этот раб бросил нож в его соплеменника и убил того.

– Нож?.. – тихо повторил за ним молодой Модэ.

– Да, – со вздохом кивнул Лаций. – Надо брить голову и лицо. Надо резать шкуры и ремни. Много делать надо. Без ножа – никак, – на какое-то время в гэре воцарилось молчание, и даже старая кормилица не шевелилась, стоя у костра

и с интересом ожидая решения своего хозяина. Наконец, тот поднял взгляд и коротко произнёс:

– Сайн¹⁶!

– Отец, он же раб! – воскликнул Модэ Син.

– Да, – кивнул лули-князь и подошёл к кормилице. – Позови повитуху и гадалку. Пусть они отгонят от него злых духов, – он кивнул в сторону сына. – Скажи, что упал в реку. Пусть хорошо попросят богов и очистят его, – после этого он ещё раз посмотрел на сына и вышел.

– Зачем он это сказал? Неужели он даст ему нож? – обратился Модэ к кормилице. Та, как всегда, пожевала беззубым ртом и с улыбкой ответила:

– Он спас тебя, а не убил. Зачем ему делать тебе плохо? Отдохни, малыш. Ты устал, – услышав эти слова, молодой хунну нахмурился и отвернулся от Лация. Но тот даже не обратил на это внимания. Он чувствовал себя выпавшимся и, благодаря жирному навару, даже немного сытым. Внутри зашёл один из слуг Тай Сина и протянул ему обрывок старого шерстяного одеяла. Лаций взял свёрток и почувствовал в руках приятную тяжесть. В тряпку был замотан нож в кожаном чехле. Он вытащил его и от удивления выпрямился. Затем быстро бросил взгляд на Модэ и старую кормилицу. Сын Тай Сина сделал вид, что не смотрит в его сторону, хотя сидел боком и мог видеть, что происходит рядом. А кормилица вообще стояла спиной и продолжала помешивать длин-

¹⁶ Сайн – хорошо (монг.).

ной палкой в котле. Лаций медленно выдохнул и провёл рукой по чёрному длинному лезвию – это был тот самый нож, которым он убил воина хунну во время перехода из Мерва. Лезвие было острым. Значит, им никто не пользовался. Он прижал нож к груди и радостно улыбнулся. Но осторожность взяла своё, и Лаций поспешил спрятать драгоценный подарок под рубашку, чтобы потом сделать петли для крепления на поясе.

– Благодарю тебя, – еле слышно пробормотал он, мысленно обращаясь к старому князю. Лацию не терпелось поделиться радостной новостью с Павлом и Атиллой. Он даже мечтать не мог о такой благосклонности со стороны старого хунну, и его распирало от внезапно нахлынувшей детской радости. К тому же, ни Атилла, ни Саэт ещё не знали, что они смогут жить в собственном гэре. Надо было их обрадовать.

К его огромному удивлению, никто из товарищей не обрадовался этой новости. Лаций стоял перед ними и растерянно переводил взгляд с одного на другого, не понимая, почему они отводят взгляд в сторону и вздыхают. Атилла первым прервал странное молчание.

– Понимаешь, тут всегда много слуг. Готовят они. И всегда у них есть мясо. У этого старика большие стада. Его племя богатое. Так что еды тут много... – с кислым выражением лица протянул он. – А там как? Сами будем готовить? Саэт одна не сможет всё делать. К тому же, двое маленьких детей. И как эту палатку ставить? Кто будет за ней следить? – пе-

чально закончил Кроний, и ему в тон сразу же добавил Павел Домициан:

– Боги посылают нам испытание, а не награду. Так мне кажется. Я вижу только тёмные цвета. Нет ничего светлого. Мне становится холодно от мысли о новом гэре, как ты сказал. Тут, насколько я знаю, шесть костров. Шкуры на полу застланы под края войлока. мех на них ещё не вытерся. Тепло. А там у нас будет один костёр. Он будет быстро прогорать. И кто за ним будет всё время следить, когда вас с Атилой не будет?

– Не слушай их, – неожиданно с болью в голосе произнесла Саэт, и Лаций почувствовал, что она очень волнуется и почему-то пытается его поддержать. – Мы как-нибудь выживем. Только вот зима скоро придёт. Уже холодно. Надо просто побольше запасти дров и навоза... и что-то придумать с костром. Под утро он будет прогорать. Если бы кто-то из наших был рядом, но они все далеко. Я попробую поговорить с Фазирой, может, она что-то подскажет. И мясо тоже можно будет у неё брать. Она часто мне отдаёт кости. И молоко для малышей приносит. Ты же знаешь.

– Да, да, конечно, – растерянно пробормотал Лаций, ещё не в силах смириться с тем, что для его друзей приспособленный быт и удобство жизни в большом гэре оказались важнее, чем своё маленькое независимое жилище. Ему было больно признать, что его мечта и радость не нашли понимания в их сердцах, но, с другой стороны, он понимал, что они

были по-своему правы.

– Слушай, может, пойти и попросить у этого старика ещё пару слуг? – неожиданно предложил Атилла, не в силах смотреть на расстроенного друга.

– Что? – не поняв, переспросил тот. – Слуг? Ты что, с ума сошёл? Лучше сразу выкопай себе могилу за рекой, – с горечью произнёс Лаций.

– Ну я как лучше хотел. Может, он такой добрый, что ты его сына спас... и за это что-то ещё даст?

– Нет, не получится, – Лаций задумчиво смотрел на тёмный войлок и думал, что делать дальше.

– Прости, мы не хотели тебя обидеть, – негромко произнесла Саэт, но это было скорее признание того, что они были не на его стороне и им было очень жаль покидать этот большой и тёплый гэр. Лацию стало душно и захотелось глотнуть свежего воздуха.

– Пойду, пройдусь, – выдавил он из себя и провёл рукой по вспотевшему лбу. Внутри действительно было жарко – старая кормилица позаботилась о том, чтобы сын её господина отлежался в тепле.

– Может, мне пойти с тобой? – осторожно предложил Атилла, но Саэт схватила его за руку и дёрнула назад. Старый друг пожал плечами и остался сидеть на месте.

Холодный осенний ветер к вечеру стих, и теперь на стойбище было тихо. Струйки дыма, расширяясь, поднимались над островерхими жилищами хунну в тёмное небо, и в свете

полной луны напоминали длинные хвосты лошадей. Позади гэра возились несколько слуг Тай Сина вместе с кутлугом Ногусэ. Судя по его недовольному голосу, льстивого слугу заставили делать что-то очень неприятное. Лаций присмотрелся и от удивления замер – они крепили высокие длинные палки для нового жилища. Это было неожиданно... неожиданно быстро. Тай Син не любил ждать и привык, чтобы его приказы выполнялись немедленно. Поэтому ленивому и хитрому Ногусэ в этот вечер не повезло – ему пришлось делать гэр для раба. Это было унижительно и обидно. Поэтому теперь в его лице Лаций приобрёл ещё одного врага.

Не желая попадаться на глаза хунну, он осторожно обошёл это место с другой стороны и направился к реке. Там он сел на длинную большую ступеньку недостроенных терм и, прислонившись спиной к брёвнам, поднял взгляд на звёзды. Где-то там, в вышине, боги решали его судьбу, и он мысленно просил их о помощи, потому что чувствовал в душе неясность и смутную тревогу. Все его товарищи по несчастью уже давно обзавелись семьями и детьми, все стали как-то приспособливаться к жизни в этой дикой стране, и только он один не стремился привязать себя к ней узами семьи и быта. Прошло уже много времени, но боги ничего не посылали ему. Ни одного знамения или намёка. Хотя он просил их об этом почти каждый день. И теперь, сидя на толстом бревне, Лаций снова обращался к ним с просьбой о помощи, моля их хоть как-то изменить его существование среди ди-

карей, которые жили вместе со своими бесчисленными стадами коней, волов, оленей и верблюдов, размножаясь так же быстро, как эти животные, и по характеру ничем не отличались от них.

Однако Лаций ещё не знал, что старый лули-князь приказал всем своим кутлугам отдать по одному буйволу и десять локтей войлока для спасителя его сына. Но и эта новость не вызвала у друзей Лация радости, потому что за животными надо было следить, а это было нелегко. Воистину, дорога в ад всегда выстлана благими намерениями. Получилось, что спасение сына Тай Сина принесло Лацию одни неприятности – в стане хунну его стали теперь бояться и ненавидеть, а среди римлян и особенно близких друзей поддержки он так и не получил.

ГЛАВА XII. ВСТРЕЧА ПОСЛА

В это время в огромном гэре верховного вождя хунну происходили совсем другие события. Посол, несмотря на предупреждения и подробные инструкции брата императрицы, не смог сдержать своё недовольство по поводу того, что воины Тай Сина уделили ему мало внимания во время перехода, и высказал это Чжи Чжи сразу после традиционного приветствия. Удивлённый вождь хунну, ещё не знавший, что произошло с сыном лули-князя, сразу же позвал Тай Сина и стал с искренним интересом расспрашивать того о происшествии. Это вызвало у молодого и неопытного посланника императора ещё большее раздражение, о чём он не преминул напомнить шаньюю, перебив старого князя. Чжи Чжи сдержался и, изобразив на лице доброжелательную улыбку, ответил:

– Разве спасение сына нашего верного воина и известного главы рода не прекрасное событие для твоего приезда к нам? Спасённая жизнь – хороший знак. Поэтому нам надо это отпраздновать. Тебе и твоим людям надо немного отдохнуть. Я приглашаю тебя отведать с нами вечером самое вкусное мясо и рыбу, которые только есть в нашем хурээ. Нам никто не будет мешать, потому что все набьют себе рты и будут молчать, – рассмеялся Чжи Чжи и развёл руки в стороны, как бы приглашая посла согласиться с его предложением.

Тот вспыхнул, возмущённый таким бесцеремонным обращением и откровенным игнорированием его важности. В это время сзади к нему приблизился один из советников и что-то коротко сказал на своём языке. Посол поджал губы и набрал в грудь воздух. Затем медленно выдохнул и встал.

– Мы благодарим тебя за оказанную честь, – произнёс он с плохо скрываемым раздражением, но Чжи Чжи снова сделал вид, что не заметил это. Только в маленьких, колючих глазах застыла скрытая ненависть, которую усиливала нарастающая головная боль.

Как только посол и его люди вышли, слуги засуетились, убирая перегородки и шкуры. Вождь хунну повернулся к своему старому другу и сказал:

– Тай Син, мне нужна здесь Чоу Ли, эта умная девчонка. Жаль, сына нет... Моя молодая жена захотела привезти новых слуг и евнухов. Пришлось отправить его в Кангюй. Нам с тобой надо поговорить, – прищурился он. Лули-князь с пониманием наклонил голову. В этот ему хотелось быстрее вернуться к своему сыну, однако он вынужден был остаться в гэре своего вождя. Но он мог быть спокоен, кормилица хорошо ухаживала за Модэ Сином. Она любила его не меньше, чем отец.

В палатке сына верховного вождя уже всё знали. Его жена, юная Чоу Ли, осталась здесь одна. Вождь отправил её мужа в Кангюй, и теперь она должна была ждать его возвра-

щения, коротая время в разговорах со служанками. Однако в этот день всё изменилось. Девушки пересказывали то, что видели другие, слухи и сплетни обрастали самыми невероятными подробностями, но для неё было ясно одно – из столицы Чанъань приехал молодой посол. От императора. Это было неожиданно, и сердце Чоу Ли сжалось от неприятного предчувствия. Жизнь в диком племени постоянно кочующих хунну была для неё тяжела, она скучала по большим городам империи Хань, но терпела, потому что от мира с этим народом зависела жизнь её отца и судьба многих людей, как объяснила ей тогда императрица. Юной Чоу Ли пришлось забыть о многих радостях жизни, которые сопровождали её в доме отца, и она старалась изо всех сил найти хоть что-то радостное и весёлое в скачках и стрельбе из лука, которыми решила здесь заняться, пользуясь властью своего молодого мужа. Но прибытие посла не вызвало в её душе радости, хотя она и пыталась убедить себя в том, что тот прибыл с хорошими вестями. А когда слуги шаньюя передали ей приказ прийти в главный гэр, сердце слегка укололо и в горле перехватило дыхание.

Чжи Чжи встретил её без улыбки и, окинув пристальным взглядом, кивнул на шкуру рядом со своим небольшим деревянным креслом. Знакомые гривы львов на ножках улыбнулись ей приветливой улыбкой далёкой родины. Это кресло передал шаньюю старый император, когда она уезжала с мужем из столицы Чанъань в неизвестную и далёкую степь.

– Приехал посол. От императора, – коротко произнёс шаньюй. Его слова вернули Чоу из мира воспоминаний в большое жилище кочевников. – Мне надо знать, зачем. Иди к его гэру! Будешь слушать, что он там говорит. Будешь носить войлок. Только голову прикрой, – он повернулся к старому князю: – Тай Син, пусть её замотают, чтобы лица не было видно, – тот с пониманием нахмурил брови и кивнул. – Всё, что услышишь, расскажешь мне. Люди Тай Сина будут всё время рядом. Ясно?

– Да, великий господин, – поклонилась она.

– Я всё понял, – как всегда коротко ответил лули-князь.

Когда они вышли, шаньюй позвал своего писаря и устало посмотрел ему в глаза.

– Пойди туда с сыном. Пусть водит волов, коней и верблюдов мимо гэра, как в прошлый раз. Помнишь? – писарь быстро закивал головой. – Сам стой рядом. Не ходи. Всё слушай. Смотри только, чтобы эта девчонка тебя не заметила! Тихо всё делайте. Молча. Не говорите, чтобы не догадалась, что ты понимаешь их язык.

– Я всё сделаю, как ты сказал, – закивал головой писарь. Чжи Чжи откинулся назад и махнул рукой. Солнце приближалось к горизонту. В большом белом гэре уже всё было готово для праздника. Сам шаньюй находился в дальней части, отгороженной несколькими раскладными ширмами, которые его сын привёз из империи Хань. Они оказались удобнее длинных и тяжёлых шкур, и, к тому же, легко передвига-

лись. Хотя потом он всё равно приказал обтянуть их шкурами, чтобы выглядели привычнее. Прикрыв глаза, Чжи Чжи хотел немного отдохнуть, чтобы собраться с силами перед непростым разговором с посланцем. Но отдохнуть ему не дали. Рядом тихо зашуршали чьи-то шаги. Это был слуга. Он привёл жену сына. Чжи Чжи удивился, но успел вернуть лицу спокойное выражение до того, как Чоу Ли вошла и поклонилась. Чуть позади неё стоял Тай Син.

– Так быстро? Что случилось?

– Посол Сяо Ю хочет покинуть твой лагерь, – поклонившись, произнесла девушка.

– Что? – встрепенулся Чжи Чжи. – Ты сказала «покинуть»? Почему?

– Он очень рассержен, – сдержанно ответила она. – Молодой посол недоволен приёмом, который оказал ему лули-князь Тай Син. Он хочет уехать, потому что не смог передать тебе слова императора. Это для него оскорбление.

– Ха! – вырвалось у Чжи Чжи, и его глаза радостно заблестели. – И когда он уезжает?

– С ним спорит его советник. Он из «внутреннего двора» императора. Он говорит, что надо больше узнать о твоих планах. Ещё надо обязательно передать тебе слова императора. Затем он хочет проехать по всему хурээ и посчитать воинов. Также он хочет узнать больше о рабах из Мерва.

– Ах, вот оно что!.. – глаза шаньюя сузились, и он на мгновение замолчал. Потом уже более спокойно добавил, обра-

щаясь к Тай Сину: – Приведи того римлянина, который спас твоего сына.

– Хорошо, – кивнул лули-князь.

– Он сейчас может говорить?

– Да.

– Хорошо. Пусть сидит у гэра, пока не позовут. Сам иди к послу и скажи, что я жду его... с радостью и нетерпением. Говори с уважением! Не дай им там поссориться. Приведи сюда. Это всё, – он махнул рукой, давая понять, что они могут идти.

На отдых уже не оставалось времени, и Чжи Чжи с раздражением почувствовал, что накопившаяся за последние дни усталость скапливается в затылке и давит, грозя превратиться в ноющую боль. Это было некстати, но он ничего не мог поделать. Мысль о том, что головная боль сделает его резким и несдержанным, вызывала ещё большее раздражение. Он накричал на слугу, который принёс тёплую воду, встал, закрипел зубами и снова сел. Мокрая ткань быстро остывала и не согревала затылок. Наоборот, делала только хуже. Ему стало противно. Он передёрнулся и отбросил её в сторону. Окончательно расстроившись, Чжи Чжи рухнул на шкуры и обхватил голову руками. Иногда это помогало. Но в этот момент пришёл один из верховных князей и сообщил, что посол императора покинул свой гэр и вместе с Тай Сином направляется сюда. За дорогим халатом «главноуправляющего» виднелась сутулая фигура писаря и его сына. Они

с нетерпением переминались с ноги на ногу. Чжи Чжи отпустил князя и подозвал их поближе. Когда писарь рассказал, что ему удалось подслушать у жилища посла, лицо вождя хунну стало темнее тучи. Он с трудом встал и, опёршись руками на спинку кресла, долго молчал. Боль усилилась и теперь охватила уже весь затылок и левую часть головы. Ему не хотелось разговаривать с послом. Но выхода не было. Испуганные писарь и его сын быстро отошли в сторону и склонились в поклоне, пропуская вождя к выходу. Громкие выкрики и приветствия у входа говорили о том, что посол прибыл. Чжи Чжи отпустил слугу и без сил опустился в кресло. Пора было начинать праздник, который для него должен был превратиться в муку.

ГЛАВА XIII.

СТРАШНАЯ РАСПРАВА

Услышав своё имя, Лаций сначала даже не пошевелился. «Лаций... Лаций...» – повторил он несколько раз про себя. Шёпот в это время приблизился, и теперь он уже звучал более громко.

– Лаций, ты здесь? Ты слышишь? – раздался совсем рядом знакомый голос.

– Саэт, это ты? – с удивлением спросил он, приподняв голову и уставившись в темноту.

– Да! Хвала богам, я нашла тебя... Пошли быстрее!

– Что такое?

– Тебя ищет этот тупой мул Ногусэ. И с ним ещё несколько человек с оружием. Он сразу послал Атиллу к нашим у реки, а я решила пойти сюда.

– Зачем? Кому я нужен? – Лаций ничего не мог понять. Ему не хотелось вставать и уходить с этого места, но, видимо, за ним послал сам лули-князь, раз подняли такой шум. А тот сейчас был в большом гэре самого вождя. Скорей всего, они хотят расспросить его о том случае на реке... Хотят снова послушать, как всё это произошло. Он с грустью вздохнул, вспомнив, как в Риме после возвращения с Сицилии от него постоянно требовали пересказывать историю

про пиратов. Похоже, здесь всё было точно так же. Задумавшись, Лаций забыл о том, что хотел спросить Саэт, откуда она узнала, что он здесь. При этом её волнение не удивляло его, потому что он успел привыкнуть, что она всегда переживала за них с Атиллой вместе.

Напыщенный вид кутлуга Ногусэ, высоко поднятый подбородок, надутые щёки и сдвинутые на переносице брови – всё это только подтверждало догадку, что его ждут в большом гэре шаньюя.

– Что случилось? – спросил он на всякий случай преисполненного важности слугу.

– Великий шаньюй приказал привести тебя к гэру и ждать. Там всё узнаешь! – серьёзно сообщил он и кивнул сопровождавшему его воину с факелом: – Пошли!

Лаций просидел возле огромного гэра вождя не очень долго. Вокруг постоянно сновали слуги, было шумно и, казалось, что ничего необычного не происходит. Однако, вскоре за ним вдруг выбежал растрёпанный Ногусэ. Он сильно напуган. Дрожащим голосом он позвал Лация внутрь.

– Быстрей, быстрей! – пытался поторопить его кутлуг, переминаясь с ноги на ногу и теребя край халата дрожащими пальцами.

– Ты чего? – только успел спросить он.

– Ой, иди. Иди! Шаньюй... ох... какой сейчас... Ох, быстрей, – бормотал Ногусэ, закатывая глаза вверх. В свете факела его лицо с чёрной бородкой, тёмной кожей и закатив-

шимися белками глаз было похоже на лица умиравших в пустыне римлян, и эти воспоминания неприятно кольнули Лация в сердце.

– Иду, иду, – пробурчал он и сам шагнул вслед за стражником, ещё раз удивившись тому, что Ногусэ остался сзади.

Внутри гэра было много людей. По кругу сидели «мудрые князья, лули-князя, великие полководцы, главноуправляющие и великие начальники» – вся верхушка знати хунну, для которой едва хватало места в этом немаленьком жилище шаньюя. Пахло жареным мясом и кислым тухлым жиром. Краем глаза Лаций заметил, что кто-то ещё жевал кусок мяса, но большинство уже перестали есть. Сам Чжи Чжи сидел на нескольких шкурах в дальнем конце и, судя по выражению лица, был невероятно возбуждён. Его глаза сверкали, а ноздри раздувались, как у жеребца после быстрого бега.

– Вот, смотри, это – наш раб! Он один из тех, кто умеет строить стены. Ты, кажется, хотел узнать, что он может делать?! – воскликнул Чжи Чжи, обращаясь к кому-то слева и указывая на Лация. Послышалась непонятная речь, и, присмотревшись, Лаций увидел, что неподалёку от него сидит тот самый маленький человек с оттопыренными ушами и щелочками вместо глаз, чьи носилки они сопровождали у реки. Это был посол империи Хань. Но теперь у того было совсем другое выражение лица. Сидевший позади старик с таким же домиком из волос на голове, наклонился к послу и что-то сказал. По всеобщему молчанию Лаций понял, что

разговор был не из приятных. Внутри всё сжалось от ощущения опасности, и тут Чжи Чжи вскочил и закричал ещё громче, обращаясь к Лацию: – Скажи нам, раб из Мерва, ты можешь строить высокие стены?

– Да, – коротко ответил он.

– А ломать ты тоже умеешь? – с хитрым выражением на лице спросил шаньюй.

– Да, – снова кивнул он.

– Скажи, ты помнишь ту стену на востоке? За которой живут эти ханьцы? Помнишь?

– Да, помню, – чуть подождав, подтвердил Лаций, поняв, что Чжи Чжи имеет в виду длинную огромную стену, которую они проезжали с его сыном, когда ездили за лопатами и кирками.

– Твои люди могли бы сломать её? – снова, с какой-то непонятной издёвкой спросил шаньюй.

– Да. Она не очень крепкая. Просто высокая. Но зачем? – пожал плечами Лаций. – Это долго и трудно. Гораздо легче обойти. Говорят, она не такая длинная и кончается у большой реки. Я так слышал. Это было бы легче, – Лаций решил подыграть Чжи Чжи, почувствовав, что тот специально провоцирует посла. Или уже спровоцировал. Но это уже было неважно. Важно было не навлечь беду на себя, а её приближение чувствовалось во всём. После благосклонного отношения Тай Сина надо было быть осторожным.

– Вот видишь, мудрый и хитрый посол такого же хитро-

го императора! – издевательским тоном произнёс шаньюй, снисходительно подняв брови и покачав головой. – Даже рабы у нас знают, как сломать или обойти вашу великую стену. А ещё они умеют плавать. И могут переплыть даже жёлтую реку. Представь, что будет, если они научат наших воинов плавать! Всех! Тогда твоему императору не надо будет посылать рис моему продажному брату. Я уничтожу его сам, а вместе с ним и всех его ленивых воинов. Они уже забыли, как сидеть на лошади! – после этих слов многие хунну засмеялись, но Лаций заметил, что старик за спиной посла продолжал что-то говорить, наклонившись к его плечу, и их лица были напряжены. Чжи Чжи, тем временем, распялся всё больше: – Ты предложил мне продавать вам лошадей и мулов. Зачем? Неужели их нельзя взять у моего брата? Ведь у него их в десять раз больше! Скажи, а почему император подарил ему пять самых красивых женщин империи Хань? Почему не мне?

– Хватит! – раздался вдруг резкий и визгливый голос. Лаций увидел, как посол вскочил на ноги и оттолкнул от себя старого советника, который пытался удержать его за рукав халата. – Не надо мне переводить! Я и так всё понимаю! – на его лице читалось презрение ко всем окружающим, и Чжи Чжи это тоже заметил. Глаза шаньюя сузились, и в зрачках застыла чёрная ночь. Но молодой посол этого не заметил. Он весь кипел от возмущения, и Лаций в душе оценил его храбрость, с сожалением признав, что это было глупо. Точно

так же юный Публий Красс бросился вдогонку за предателем Абгаром, но не рассчитал силы и погиб.

Старый китаец в отчаянии поднял трясущиеся руки вверх и стал, дёргая его за полы халата, умолять о чём-то, однако тот со свойственной молодости горячностью оттолкнул его и продолжил: – Я – посол императора. И он не потерпит такого оскорбления! Ты оскорбил посла, и я требую, чтобы ты извинился! Никто не смеет так говорить об императоре и народе империи Хань!

– Да? – с наигранным удивлением спросил Чжи Чжи. – И что же мне будет за это? Великий император пошлёт на меня стадо ленивых мулов во главе с моим братом Хуханье? – все рассмеялись, и посол от унижения и ярости сжал кулаки. – Или твой император настолько храбр, что посмеет высунуться из-за своей стены и прийти сюда со своим войском?

– Ты не смеешь так говорить об императоре! – гордо воскликнул посол. – И он докажет тебе это, когда узнает об этом оскорблении!

– Может, сообщим ему об этом сразу? Как ты думаешь, сколько времени будет лететь к нему голубь? – неожиданно спросил Чжи Чжи уже совсем другим голосом, и теперь от издёвки в нём не осталось и следа, только холодная, леденящая душу угроза. Вся знать хунну замерла, не понимая, к чему клонит их вождь, но чувствуя по его голосу, что сейчас произойдёт что-то страшное. – Или ты думаешь, я не знаю?.. Да?.. – медленно растягивая слова, спросил ша-

ньёй. – Зачем ты привёз сюда клетку с голубями? Ты хотел, чтобы жена моего сына посылала письма твоему императору? Чтобы она следила за мной? – он ткнул в сторону Чоу Ли, которая сидела в полутьме у стены, и все повернули головы в её сторону. Лаций тоже посмотрел туда и понял что её специально оставили здесь. – Ты этого хотел?! – гневно воскликнул шаньюй и махнул рукой. Слуга вынес из темноты клетку с мёртвыми голубями. Птицы белой кучкой лежали на дне клетки. Им свернули шеи, – Или, может, ты сам хочешь стать голубем и полететь к своему императору, как птица? – скривился он, но скорее от боли, которая разрывала голову, чем от насмешки. Посол опешил и не знал, что ответить. Он был явно не готов к такому повороту и резко дёрнулся сначала в сторону девушки, потом – к своему советнику, но в конце концов понял тщетность этих попыток и остановился. Лаций находился всего в пяти-шести шагах от него и видел, как тот, не выдержав напряжения, схватился за кинжал на поясе.

– Я убью тебя! – крикнул он и кинулся на шаньюя. Но за спиной Чжи Чжи раздался отрывистый приказ Тай Сина и перед юношей сразу выросли три стражника. Они сбили его с ног и ждали дальнейшей команды. Чжи Чжи кивнул. Посла подняли и поставили перед ним на колени. Его седовласый советник в этот момент стучал лбом о землю и умоляюще протягивал руки в сторону шаньюя.

– Тебе повезло, – снисходительно произнёс вождь хунну

и угрюмо посмотрел на молодого ханьца. – Твой император сможет увидеть твою голову. Но тело останется здесь! – резко выкрикнул он, и от этих слов посол вздрогнул и дёрнулся назад. Однако его держали крепкие руки. Шаньюй махнул рукой, и старый Тай Син, поняв его приказ, повернулся к несчастному. Стражники наклонили голову посла вниз, и лули-князь резким движением перерезал горло, после чего поднял окровавленный нож и что-то прорычал. Хунну радостно закричали, вскинув вверх руки. Один из стражников достал меч и двумя ударами отрубил голову от тела. Достав нож, он проколол оба уха и протянул в отверстия кожаный ремешок. После этого с поклоном передал голову Тай Сину. Тот, в свою очередь, поклонился Чжи Чжи и положил её у ног шаньюя. Лаций хорошо запомнил смятый домик и сломанную палочку для волос, которые были видны с того места, где он сидел.

– Засунь в мешок с мёдом и отправь императору! – приказал Чжи Чжи одному из слуг. – Нет, лучше отвези к Хуханье. Пусть тот сам передаст её императору. Он же его раб! – лицо вождя хунну скривилось в злой гримасе. Остальные князья и приближённые радостно поддержали своего предводителя. – Сделай мне из него трон! – Чжи Чжи показал рукой на обезглавленное тело посла и посмотрел в сторону причитавшего старого советника. – Заткните ему рот! – с ненавистью крикнул он, чувствуя, что стенания старика приводят его в бешенство.

Лаций долго потом вспоминал что произошло дальше, сравнивая варварскую жестокость кочевников с дикими нравами северных галлов, которые тоже не жалели послов и пленных, обращаясь с ними с необыкновенной жестокостью. Тело ханьского посла сложили пополам, привязали к нему доску и накрыли сверху шкурой. Поверх неё положили кусок жёлтого шёлка. Чжи Чжи сел сверху и стал молча наблюдать за дальнейшей расправой. Всех воинов из свиты посла схватили и раздели догола. В гэр притащили даже тех, кто остался у шестов с лошадьми. Затем надрезали им сухожилия на руках и ногах, чтобы они не могли шевелиться, и стали наносить мелкие порезы по всему телу, пока на коже не осталось живого места. Но это было только начало. После этого слуги принесли солёную верблюжью мочу и вылили им на раны. Несчастные орали от нестерпимой боли, но ничего не могли сделать. Их разложили по кругу и накрыли шкурами. После этого хунну сели на них сверху и продолжили пир, наслаждаясь стонами обречённых ханьцев. И только Лаций продолжал по-прежнему сидеть без движения, не замечая, что его постепенно оттеснили к самому выходу. В этот момент он мог бы встать и спокойно уйти, и никто не обратил бы на это внимания, как вдруг Чжи Чжи встрепенулся:

– Эй, вы забыли про самый сладкий подарок императору! – он посмотрел в угол гэра, где, забившись под войлок стены, прятался ещё один человек. Когда его вытащили на середину, все увидели, что это была Чоу Ли, жена его сы-

на. – Разве может змея жить вместе с орлами? – хищно раздувая ноздри спросил он. Лаций с жалостью смотрел на девушку. Та стояла, опустив голову и прижав руки к груди. Она дрожала от страха, но старалась держаться. Рядом с взбешённым вождём стоял Тай Син. Его лицо, в отличие от шаньюя, было непроницаемо. И Лаций подумал, что тот, наверное, убьёт её сейчас так же спокойно, как убил перед этим посла. – Ты хотела меня обмануть! Ты хотела отправлять письма императору! – закричал Чжи Чжи, вытаращив глаза.

– Нет, нет, нет! – неожиданно громко ответила ему Чоу Ли. – Я ничего не знала! Я была с тобой. Ты же всё знаешь. Я была с твоими людьми. Я услышала их слова и узнала, что ты сказал. Я пришла к тебе. Я не говорила с ними! Я была здесь, – Чоу Ли кричала, но она не возмущалась и не умоляла. В её голосе звучало отчаяние, но не обречённость. И, как ни странно, на Чжи Чжи это подействовало.

– Ха! – громко выкрикнул он. – Ты хочешь жить! Ты не хочешь умирать, как этот жалкий посол! Да... ты хочешь жить. Если ты умрёшь, твой император ничего не потеряет и не приобретёт. А вот если ты... Тай Син! – неожиданно обратился он к своему верному лули-князю, и в его глазах промелькнула искра радости и удовольствия. – Ты говорил, что твой сын умер на дне реки, в холодной воде, а потом его вернул к жизни этот раб из Мерва. Это так?

– Да, так, – кивнул тот. – Вон он, стоит у входа! – несколько десятков человек повернули головы к Лацию. Тот

от неожиданности встал и попятился назад, но его сразу подхватили под руки и подвели к шаньюю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.